

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА 60-х ГОДОВ

Статья Н. Бельчикова

I

Революционно-демократическая беллетристика в последнее время начинает получать достойную себе оценку. Ряд интересных сообщений, появившихся в последнее время, говорит о том, что в прошлом в дореволюционное время эта беллетристика не была забыта, а имела большое значение в жизни деятелей революции и литературы.

Так, тов. Г. Димитров в своем выступлении в Доме Советского Писателя в прошлом году указал на роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», как произведение, оказавшее решающее влияние на формирование его мировоззрения и характера, как революционного борца.

Многие читали, с каким волнением отзывался А. М. Горький о творчестве шестидесятника Н. Г. Помяловского и о воздействии творчества этого писателя на творчество М. Горького: «Возможно, что Помяловский влиял на меня сильнее Лескова и Успенского. Он первый решительно встал против старой, дворянской литературной церкви. Первый решительно указал литераторам на необходимость «изучать всех участников жизни», нищих, пожарных, лавочников, бродяг и прочих»¹. Справедливо и другое замечание М. Горького, что хорошие повести Помяловского «недооценены». Это относится и ко всей революционно-демократической беллетристике 60-х годов, которую мы недостаточно хорошо знаем.

На III пленуме Союза Советских Писателей М. Шагинян выступала по вопросу о жанре современного производственного романа; она искала источники этого жанра на Западе, у Клода Фаррера, например, и не могла там найти близких «прототипов» для нашего советского романа, характерной композиционной чертой жанра которого она считает построение из ряда новелл. В литературе 60-х годов мы найдем аналогии для такого построения и тоже «производственного» романа. Разумею романы Ф. М. Решетникова с заводской, горнопромышленной тематикой. Не преувеличивая художественных достоинств романов «мрачного» (по меткому выражению М. Горького) Решетникова, мы хотим указать на сходство композиции романа 60-х годов с производственным романом наших дней. Романы Решетникова («Горнорабочие» и др.) также распадаются на ряд новелл, объединяемых, понятно, единством замысла и идейно-политических тенденций.

Наконец, в нашей растущей литературе широкое развитие получил очерк. Некоторыми критиками очерк считался — что явно неверно и несправедливо — низшим видом литературы. Очерк в наше время несет функцию разведывательно-боевого орудия. Те же задачи ставили перед собой и проводили в очерках шестидесятники; таковы на шумевшие в свое время решительным ниспровержением либеральной легенды о счастливом Осташкове очерки В. А. Слепцова, печатавшиеся в «Современнике», публицистические очерки Салтыкова-Щедрина и др.

Перед современной литературой встала проблема создания политическо-го романа в целях борьбы с фашизмом и нащупывания путей будущего общества. У беллетристов 60-х гг. есть чему поучиться в этом смысле современным литераторам. Весьма значительны и весьма поучительны разоблачения российского либерализма, смыкавшегося с реакцией, какие впервые дал в беллетристике того времени революционный демократ Чернышевский. Ленин, цитируя «Пролог к прологу», указывал на гениальность разоблачений Чернышевским крестьянской «реформы», проведенной в интересах классов, «бесповоротно враждебных трудящимся».

Чернышевский, вождь шестидесятников, создал политический роман «Что делать?», значение которого признавали даже враги революционной демократии в 60-е годы. Сошлемся на любопытное суждение о романе «Что делать?» известного почвенника-консерватора Н. Н. Страхова: «Направление «Современника» весьма распространено; оно имеет своих поэтов, политико-экономов, юристов, критиков и т. д. Всем им, как я полагал и полагаю, предназначено весьма быстро кануть в Лету... Но есть явление, в этом множестве, которое имеет большую прочность. Именно роман «Что делать?», по моему мнению, останется в литературе. Ибо он вовсе не производит смешного впечатления. Как бы кто ни был расположен смеяться, он потеряет свое расположение к смеху, перечитывая эти тридцать печатных листов. Роман написан с таким воодушевлением, что к нему невозможно отнестись холодно-кровно и объективно»². Проблема рождения нового человека — человека революционно-демократического склада занимала сознание людей 60-х годов. Писатели-шестидесятники — Н. Г. Чернышевский, Н. Г. Помяловский, Н. Благоевский, отразили в своих романах и повестях эти искания и дали попытки художественно обобщить реально-исторические черты этого образа и сумели предугадать будущее этого нового человека.

Все это приводит к мысли, что литература 60-х годов имеет немало со-звучий с нашей молодой растущей литературой и в области проблематики и в исканиях способов художественного отображения новых людей и нового социалистического строя. Знакомство с литературой 60-х годов далеко не бесполезно для современного писателя. Среди шестидесятников он может увидеть пример, как тогда писатели почерпали и пополняли свои знания о жизни, слагавшейся после глубоких социально-политических сдвигов. Разве не поучительный пример — В. А. Слепцов, с котомкой за плечами, прошедший путь от Москвы до Коврова по линии строившейся тогда Московско-Нижегородской железной дороги, и составивший в итоге своих наблюдений над бесчеловечной эксплуатацией землекопов очерки «Владимирка и Клязьма». Не менее интересны и также не утратили значения и другие его очерки об Осташкове. Заметка в «Правде» (1935, за 24 июля № 202 (6448) под названием «Уездные прожекторы» свидетельствует, что «воскресший Слепцов произвел большое впечатление на местных работников. Они впервые взглянули на город с исторической, так сказать, точки зрения... В ноябре прошлого года на сцене осташковского театра докладчиком о выборах в совет выступил несколько неожиданный оратор. Это был писатель и притом умерший более полувека назад: в образ писателя Слепцова воплотился местный актер. Речь, произнесенная им, была составлена по слепцовским «Письмам из Осташкова».

Порожденная эпохой 60-х годов, эта беллетристика носит яркие черты новой литературы, литературы революционного демократизма.

Проводя параллель между литературой 60-х годов и нашей, мы не забываем о существенных различиях их, обусловленных различием исторических эпох.

60-е годы — эпоха нарастания крестьянской революции, но революции неудавшейся. Была революционная ситуация, была возможность крестьянской буржуазно-демократической революции. Ленин, разбирая составленную цар-

ским министром Витте секретную записку «Самодержавие и земство», в 1901 г. писал: «Тот казенный, чиновничий взгляд на общественные явления, который обнаруживает везде автор «Записки», сказывается и здесь, сказывается в игнорировании революционного движения, в затухании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство защищалось от натиска революционной «партии». Правда, на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия николаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения. Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников — применять такое «Положение», студенческие беспорядки, — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»⁴.

Десятью годами позже, характеризуя ту же эпоху, Ленин писал в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция»: «... Революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих крайне немногочисленных тогда революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»⁵.

В этот момент нарастания революционной ситуации оформилось размежевание двух социальных лагерей, произошло обособление между силами революционной демократии и буржуазно-дворянским либерализмом. В только что цитированной статье В. И. Ленин говорит: «Либералы 60-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»⁶.

Конкретное содержание борьбы этих двух сил Ленин характеризует так: «Без насильственной, без революционной ломки устоев старой русской деревни не может быть развития России. Борьба идет, — хотя этого не сознают очень и очень многие из ее участников, — только о [подчеркнуто автором — Н. Б.] из-за того, будет это насилие насилием помещицкой монархии над крестьянами или крестьянской республики над помещиками. В обоих случаях не и з б е ж н а буржуазная, а не иная какая-либо, аграрная революция в России, но в первом случае медленная и мучительная, во втором — быстрая, широкая и свободная»⁷.

Этот великий раскол крестьянской демократии и буржуазно-дворянского либерализма нашел себе литературное выражение. В эпоху огромных социально-политических сдвигов пришла новая группа писателей.

«Падение крепостного права вызвало, — говорит Ленин, — появление разночинца, как главного, массового деятеля освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности»⁸.

II

Каков же социально-политический и философский профиль писателей, выражавших интересы революционной крестьянской демократии? Общая биография их проста; они — разночинцы. Но понятие разночинца сложно и неопределенно. Разночинец — представитель мелкой буржуазии или выходец из мелкопоместного и среднего дворянства — приобретал революционность, если сумел опереться на крестьянскую демократию, которая внушала ему революционные настроения. У Ленина на этот счет есть прямые указания. В 1906 г. он писал: «Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы, по сравнению с пролетариатом и крестьянством. Решающая роль за деревней, не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы»⁹.

От этого проистекало то, что разночинцы, которые в 60-е годы не попадали в орбиту полного влияния революционной демократии, колебались между революцией и либерализмом (Писарев) или вовсе подпали под влияние феодально-крепостнической реакции и правительственной идеологии (Достоевский).

Группа писателей, разночинцев, во главе с Чернышевским, непосредственным идеологом и вождем революционного авангарда крестьянской демократии, стремившейся к революционному ниспровержению феодально-крепостнического строя, была проникнута интересами народа, боролась за эти интересы и проводила в литературе идеи крестьянской революции, идею борьбы с буржуазно-дворянским либерализмом и реакцией.

Проникаясь интересами народа, писатель-демократ искал средств для своего идейного вооружения. Самостоятельная русская мысль не давала таких источников. По традиции же, унаследованной от петрашевцев, через Ханыкова к Чернышевскому, таким источником оказывался утопический социализм. В системе Фурье и унаследовали его наши демократы. Вождь их Чернышевский был, по определению Ленина, утопическим социалистом, который «мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способны создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»¹⁰.

В своем романе «Что делать?» Чернышевский рисовал будущие формы социалистического строя и условий жизни в коммунистическом обществе в духе фаланстеров Фурье.

Идейно-теоретически наши демократы были социалистами-утопистами, а по существу выразителями интересов демократического и крестьянского капитализма, американского типа.

Мы считаем необходимым подчеркнуть разграничение моментов самосознания эпохи и объективный смысл сознания той же эпохи. На самосознании эпохи нельзя строить и обосновывать познание объективно-исторического характера этого сознания. Но, с другой стороны, надо отметить и другое, что в условиях русской действительности 60-х годов, в обстановке нарастающей революционной ситуации «в социализме Чернышевского мелкобуржуазная ограниченность утончалась настолько, насколько это только возможно для до-марковского социализма. Но и основное значение Чернышевского заключалось в том, что он был выразителем революционных требований русского крестьянства»¹¹.

Революционная ситуация 60-х годов, «крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников, — как говорит Ленин¹², — до самого отчаянного положения и до требования конфискации помещичьих земель», помогла преодолеть выразителям взглядов крестьянской демократии ограниченность фантастических «выдумок» социалистов-утопистов, отвергавших борьбу классов, проповедывавших мирное сожительство богатых и бедных и возлагавших надежду на бесплодные увещания богатых поступиться своими интересами. Чернышевский и его группа осознавали необходимость и закономерность революции, верили в революционные пути разрешения назревшего аграрно-политического вопроса в интересах закабаленного крестьянства.

Преодолена была тогда и другая черта, характерная в философском мировоззрении утопического просветителя, — именно, убеждение, что мнения правят миром. Чернышевский и Добролюбов сознавали, что только политическая революция может покончить с азиатскими порядками русской жизни.

III

Как глубоко проникало революционное настроение в широкие массы разночинцев 60-х годов, свидетельствует неопубликованное письмо одного разночинца-плебея, которое было задержано III Отделением и погребено было до сих пор в недрах архива этого учреждения. Посмотрим, как воспринял этот демократ царский Петербург и как свое отвращение и ненависть к самодержавно-полицейскому режиму он выразил в письме к своей знакомой, в Казань: «Петербург нравится мне только в одном отношении—это по памятникам. Здесь все факты можно видеть в лицах, все места, на которых происходили деспотические порывы варваров.

Например, вы выходите на Исаакиевскую площадь и глазам вашим представляется два предмета. Это Исаакий и М о н у м е н т в е л и к о г о м у ж а XIX с т. Н и к о л а я, говоря словами Гримма. [Подчеркнуто автором.—Н. Б.] Вы всматриваетесь в памятник и находите тут всевозможные цвета, какие только существуют. Потом вы, конечно, начинаете смотреть на Николая, сидящего на лошади, и вам живо представляется все царствование его. Наконец, вы вспоминаете при этом вновь вышедшую книгу, которая начинается словами: «Если я буду хоть час государем, то докажу, что я этого достоин». Вам невольно при этом придет на мысль, что правды не существует, что вы живете еще в мире лести и лести подлой. Потом вы начинаете всматриваться в статуи, которые окружают этот памятник: видите богиню целомудрия, лицо которой снято с Марии Николаевны; видите богиню силы и могущества с лицом дряхлой старушки Александры Федоровны. Потом вы начинаете всматриваться в барельефы, которые изображены на пьедестале. Вы видите на переднем плане 14 декабря. Вам невольно приходит на мысль Петрашевский. Вам живо представляются его слова, которые он сказал, когда был у виселицы. «Что сказать твоей матери?»,—спрашивает Петрашевского один из друзей его. Он, показывая на веревку, отвечает: «Скажи, что видишь». Потом, когда уже прочли ему указ деспота, и оставалось только надеть на шею веревку, вдруг видят скачущего курьера с криком: «Прощение, прощение и ссылка навечно в каторгу». Петрашевский, услыша это, сходит с платформы и с желчью говорит: «Вечно с своими неуместными экспромтами». Слова страшно потрясающие. Потом вы переходите к другому, видите мятеж Польши. Наконец, к третьему, который помещен, впрочем, на заднем плане — это издание Николаем законов. Рассмотревши все это, невольно улыбнетесь и поверишь словам, что п а м я т н и к Н и к о л а я — н а с м е ш к а...» «Вы выходите из Исаакия. Вам снова бросается в глаза памятник. Тут вы только начинаете находить гармонию и то еще не полную, потому что нет

виселицы между Исаакием и Николаем. Конечно, лучше бы было, если бы памятник и виселицу поместили внутри Исаакия»¹³.

Это письмо рядового разночинца, — тем оно и характерно, что выражает массовое настроение разночинческой революционной демократически настроенной молодежи.

Правда, настроения антиправительственного характера, настроения против феодально-самодержавного строя испытывали и радикальные элементы. Различие между революционными и радикальными разночинцами, понятно, лежало глубже, в том, что мы выше сказали о степени приближения к революционной крестьянской демократии. Всеми этими чертами — революционным демократизмом, утопическим социализмом и фейербахианским материализмом в основе мировоззрения — революционные демократы решительно не похожи были на радикальных разночинцев типа Писарева. Для лагеря последних характерно было колебание между демократизмом и либерализмом, а после спада революционной волны отход на либеральные позиции. «Грубо механистический характер материализма Писарева, его зависимость от естественно-научного материализма типа Фохта и Мошотта и привели его к увлечению позитивистической системой Огюста Конта. Эмпиризм и агностицизм Конта проник в материалистическое мировоззрение Писарева и еще более понизил его теоретический уровень»¹⁴.

В связи с этим и характер социалистической окраски, которой сопровождалась у Писарева пропаганда технико-промышленного прогресса в промышленности и земледелии была иной. «В социалистических симпатиях Писарева, — говорит тот же исследователь, — не чувствовалось непосредственного отображения крестьянских интересов»¹⁵.

Революционные демократы типа Чернышевского ставили ставку на массовое движение, надеялись, что массы крестьянства сделают революцию. Политическое сознание радикальных разночинцев находилось под воздействием демократической революции, но в то же время имело свою логику развития. «Давление крестьянского моря на политическую ситуацию ослабевало, шансы революции уменьшались, реакция торжествовала — Писарев становился умеренней, правей, либеральней и в своем социализме и в своей тактике. Писарев был горожанином, который шел на союз, на смычку с крестьянским движением»¹⁶.

Такого колебания между либерализмом и революцией, какое мы находим у Писарева, революционные демократы типа Чернышевского не проявляли. Они шли на разрыв, на борьбу с враждебным лагерем. Захваченный жандармами 2 июня 1862 г. и посаженный в крепость Н. А. Серно-Соловьевич писал, озираясь на прошлое и оценивая свои цепи:

Теперь я беден и страдаю.
 Но если б мне могли отдать
 Взамен того, чем обладаю,
 То, чем я мог бы обладать:
 Богатство, почести и мненье
 Твое, — чиновный, важный свет,
 Во мне вскипело б отвращенье
 И гордо я сказал бы: нет!

За свои убеждения эта группа расплачивалась тюрьмой, каторгой, Сибирью. Писарев же трезвел; проявлял признаки политического «благоразумия», умеренности. Любопытно отметить, что после разгрома революции 1861 г. деление на чернышевцев и писаревцев стало сказываться явственнее. Оно и понятно, в момент подъема революционного настроения ряды радикальных разночинцев сближались с революционными демократами, пережи-

вая, как и последние, воздействия, шедшие со стороны революционных крестьянских масс; с ослаблением революционной ситуации они разошлись.

Факты идейных разногласий и споров партии Чернышевского — Добролюбова, с одной стороны, и партии Писарева, с другой — собраны в работе Б. П. Козьмина¹⁷. Здесь приведены свидетельства П. Ф. Николаева и В. Черкезова, члена революционного кружка ишутинцев; свидетельство печатающейся впервые в настоящем номере «Литературного Наследства», задержанной цензурой в конце 1869 г., статьи Н. В. Шелгунова о том, что «в каждом городе, где есть читающая и думающая молодежь, вы найдете две партии: одна поклоняется Добролюбову, другая — Писареву. Если эти партии имеют возможность где-нибудь сходиться, они немедленно вступают в ратоборство, и бывали случаи, когда разгоряченные борцы готовы были прибегать к аргументации более сильной, чем простое красноречие».

Известно, что Гр. Потанин, член кружка независимости Сибири, в своих показаниях в 1865 г. отрицательно отзывался о писаревцах¹⁸. Члены кружка «Рублево Общество» (1869) Ф. Волховской и Г. Лопатин также проявляли определенным образом интерес к сочинениям Чернышевского и симпатии к нему как личности.

В литературе того времени мы имеем изображение разночинца-демократа 60-х годов в романе Н. А. Благовещенского «Перед рассветом»¹⁹. Сознательная жизнь Трепетова, выходца из духовной среды, началась уходом из душевного мира глухой провинции под влиянием бесед с «ссылным» человеком Березиным.

Трепетов в столице находит Березина, но Березин стал либералом, и Трепетов, не мирясь с этим, уходит от него без копейки денег в кармане и подвергает себя надолго всем тягостям беспросветной нужды, всем лишениям, какими награждает жизнь городского бедняка. Молодой Трепетов хочет работать, но поиски заработка безуспешны.

«И в этих напрасных поисках труда он провел около полугода, спустил с себя все, что только можно было спустить, пользовался по разным захолустьям копейным ночлегом, спал не раз под открытым небом, питался зачастую одной колбасой да студнем за грош, когда порой заводился в кармане этот несчастный грош, и только бурсацкая закалка природы позволила ему вынести эту полуголодную агонию и сохранить еще при этом некоторую бодрость духа. Зато тут он, лицом к лицу, впервые увидел ту голодную и забитую нищету, которая составляет исключительную принадлежность столиц и больших городов и редко встречается в провинции, и убедился, что он не один, что от недостатка работы ежегодно осаждаются на дно столичного населения целые слои голодных, опрабленных, брошенных людей, никому не нужных, бесполезных, к числу которых он должен был причислить и себя».

Судьба и жизненный опыт Трепетова характерны для разночинцев 60-х годов; тот же путь прошли герои Чернышевского, Помяловского, Решетникова и сами писатели. Так, Решетников, например, в ранней юности дважды убегал из бурсы, голодал, ночевал на реке, скитался среди рабочих, даже бродил с нищими. М. Горький очень ярко обрисовал жизненный путь и судьбу этих «отщепенцев»: «Литераторы-«разночинцы» — тоже «отщепенцы» и «блудные дети», их история — «мартиролог», т. е. перечень мучеников. Помяловского за время его ученья в семинарии секли розгами около 400 раз. Левитов был выпорот в присутствии всего класса; он рассказывал Каронину, что у него «выпороти душу из тела» и что живет он «как будто чужой сморщенной душой». Кущевский написал рассказ об одном литераторе, которого отец отпускал в столицу «на оброк» — так же, как помещики отпускали крепостных, и если сын не присылал ему денег, он требовал его в деревню и там сек. Сам Кущевский работал грузчиком на Неве, упал в воду, простудился, написал свой роман «Николай Негорев или благополучный рос-

сиянин» в больнице, ночами, покупая огарки свечек на больничный паек, затем он спился и умер, не дожив до 30 лет. Решетников, 14-ти лет попал под суд, два года сидел в тюрьме, потом был сослан на три месяца в Соликамский монастырь; он умер 29-ти лет». Н. Помяловский умер, прожив 28 лет.

«Редкий из литераторов-разночинцев доживал до 40 лет, и почти все испытывали голодную, трущевную, кабацкую жизнь»²⁰. Эти скитания, эта жизнь среди «низов» обогащала писателя знанием подлинной жизни народной массы, ее невзгод и тяжелых сторон. Эти-то наблюдения способствовали пробуждению критического отношения к существующему порядку.

Понятно, эти дети бедных уездных лекарей, бедных мелких чиновников и сельского духовенства, каковыми были и Благовещенский, и Помяловский, и Благовестлов, — все эти необеспеченные, униженные представители нового молодого «поколения», обреченные на тяжелый труд добывания куска хлеба, не иначе как с ненавистью смотрели на представителей обеспеченных классов — дворянства и буржуазии.

«Со злостью и отвращением,—рассказывает Благовещенский, — начал он [Трепетов. — Н. Б.] смотреть на прихоти изнеженного и избалованного барства, точно это барство ограбило его. Не мог он видеть равнодушно, как наши богачи беззаботно катались по городским улицам в щегольских экипажах; с ожесточением глядел он на самодовольные лица щеголей и щеголих; он начинал от души ненавидеть эту безучастную светскость и считал эту ненависть законною, естественною».

Добролюбов дал не менее яркое изображение этого социального расхождения людей двух классов в стихотворении:

Когда среди зимы холодной,
Лишенный средств, почти без сил,
Больной, озябший и голодный,
Я пышный город проходил;
Когда чуть не был я задавлен
Четверкой кровных рысаков,
И был на улице оставлен
Для назидания глупцов;
Когда, оправясь, весь разбитый,
Присел я где-то на крыльцо,
А в уши ветер дул сердито,
И мокрый снег мне бил в лицо, —
О сколько вырвалось проклятий,
Какая бешеная злость
Во мне кипела против братьев,
Которым счастливо жилось
Средь этой роскоши безумной
И для которых — брата стон
Веселым бегом жизни шумной
И звоном денег заглушен.

Так выростали конфликт и столкновение классовых групп дворянства, буржуазии и революционных разночинцев. Последние устами одного из своих представителей в литературе (И. И. Гольц-Миллера) в ответ на роман писателя другой стороны (либерального дворянства) И. С. Тургенева («Отцы и дети») бросили смелый вызов в стихотворении «Отцам».

Вы — отжившие прошлого тени,
Мы — душою в грядущем живем;

Вас страшит рой предсмертных видений, —
 Новой жизни рассвета мы ждем.
 Вы томитесь под игом преданий
 И в поросшей веками грязи, —
 Наша жизнь — жизнь надежд, упований,
 Все святое для нас — впереди.
 Путь перед вами один — покаянье,
 Ваша сила в глаголе молитв, —
 Труд, борьба, — это наше призванье,
 И мы сильны для будущих битв;
 Сильны верой живой в человека,
 Сильны к правде любовью святой;
 Сильны тем, что нас ржавчина века
 Не коснулась тлетворной рукой..
 Мы ли, вы ли в бою победите, —
 Мы — враги, и в погибели час
 Вы от нас состраданья не ждите,
 Мы не примем пощады от вас.

Для «детей», для разночинцев всех лагерей характерно стремление к делу, к действиям: «труд, борьба — это наше призванье», как говорит в своем манифесте революционный разночинец И. Гольц-Миллер.

П. А. Шипов, арестованный в июне 1862 г., в своей рукописной статье писал: «Наступила для нас та историческая эпоха, когда каждый начинает ощущать жгучую потребность дела, давно обдуманного, давно осознанного, давно вымеренного и рассчитанного... Слово и дело... Мы переживаем именно то время, когда передовые люди уже выходят на борьбу. Что же им делать?»²¹.

Революционно-демократическая беллетристика в романах Чернышевского дала ответ на этот вопрос своим последователям и всему русскому обществу. В произведениях других беллетристов она сказала о новых путях жизни, о новых задачах деятельности, направленной на разрешение первоочередных назревших интересов поработанных вековым рабством крестьян.

Разночинцы — революционные демократы, ненавидевшие барство, взяли на себя защиту интересов народа, они боролись за то, чтобы лучше жилось народу.

IV

Завоевав при помощи Чернышевского и Некрасова в свое распоряжение журнал «Современник», революционные демократы начали усиленную литературную деятельность.

Всем известно, как необычайно трудолюбив был сам Чернышевский. Известно, что на журнальной работе сгорел Добролюбов. Пафосом такой же деятельности горели и многие другие демократы. «Михайлов, — по воспоминаниям П. В. Быкова, — горячо любил свое дело, свою профессию, свою работу, трудясь, что называется, до самозабвения, порой с утра и до глубокой ночи... когда он писал повесть или рассказ, он глубоко проникался жизнью выводимых в этом произведении героев, улыбался, расцветал, видя их счастье, искренно мучился, замечая их ошибки, или страдания, словно это были живые люди, а не созданные его воображением, его пламенной фантазией»²².

Писатели-демократы трудились в разных «жанрах»; Добролюбов был публицистом, литературным критиком, сатириком, писал стихи, был редактором. Чернышевский нес те же примерно обязанности и много писал.

Для этих писателей литература была не профессией только, а трибуной:

для борьбы с помещичьей литературой за свои убеждения и интересы своих доверителей — крестьян и рабочих. Поучительно бережное отношение этих писателей к изображению своего доверителя; поучительно стремление дать по возможности точное, проверенное в реальной обстановке изображение жизни рабочих и крестьян. Примером может служить Решетников. Написав первую часть романа «Горнорабочие», он писал Некрасову в письме от 2 сентября 1865 г. следующее: «По-моему мнению, этот роман, задуманный мной еще в Екатеринбурге в 1861 г., будет лучше «Подлиповцев», потому что я проверил ныне сам себя на заводах». Писатель отправился прямо на завод и работал. Из письма Решетникова от 10 июня 1865 г. к другу Н. А. Благовещенскому мы узнаем не лишние интереса подробности об этом пребывании писателя на производстве: «Был я на четырех заводах, находящихся в Пермской губернии. Работал на Мотовилихе в литейной фабрике, да чуть меня не зашибло воротом. Работать можно только в крестьянской одежде, я работал под именем семинариста, готового поступить хоть в рекруты. Смеху надо мною было много... Буду писать роман «Семейство Глумовых», в двух частях, из горнорабочего быта. Некрасов с братией могут успокоиться на счет того, что из бывшей в их редакции статьи [точнее очерка, как мы знаем из письма к Некрасову от 2 сентября 1865 г. — Н. Б.] «Горнорабочие» в роман попадет очень немного».

Другой пример — В. Слепцов, который для создания очерков («Владимирка и Клязьма», «Осташков») путешествовал с котомкой за плечами; жил в провинциальном городе. Всем памятна колоритная фигура П. И. Якушкина, неутомимого путешественника этнографа-очеркиста, бытописателя крестьянства.

Писатель-демократ, осознав фальшь и узость дворянского реализма в показе мужика, усиленно стремился к правдивому, т. е. наиболее адекватному по его мнению изображению. Это правдивое изображение масс крестьянства писателем-демократом было для того времени и наиболее объективно-верным, ибо оно давалось с точки зрения наиболее объективно-верного понимания действительности писателем, отражавшим интересы революционной крестьянской демократии. У того же Решетникова мы встречаем весьма характерное мнение на этот счет. В письме к Некрасову, беспокоясь о «Подлиповцах», которых могла задержать цензура, Решетников высказал свое писательское profession de foi: «по-моему, написать это иначе — значит говорить ложь... Наша литература должна говорить правду». О правде «без всяких прикрас» (Н. Чернышевский), «трезвой правде» (Тургенев), о «голой правде», (Н. Александров), о «кошмарно-страшной правде» (проф. С. А. Венгеров), о правде «без дурацких прикрас» (М. Протопопов) у Н. Успенского, Решетникова и других писателей-демократов недаром много спорили представители буржуазно-дворянского либерализма (напр. Тургенев), которых, естественно, должна была привлечь именно эта сторона в творчестве наших писателей.

V

Про 60-е годы реакционеры (В. Авсеенко) говорили, что литература этого времени провоняла мужиком. В этой насмешливой, а, по сути дела, издевательской, характеристике есть зерно истины.

Вопреки эстетическому канону дворянской литературы, вопреки «артистической теории» искусства и усиленным крикам со стороны критики того же лагеря, раздавшимся в 50-е годы, о том, что мужик, простой народ не может быть предметом литературного изображения, революционно-демократическая беллетристика ввела мужика в «салоны современной беллетристики» (выражение П. Ткачева).

П. В. Анненков, разбирая роман Д. В. Григоровича «Рыбаки», в 1853 г. высказал такую точку зрения: «Григорович создал роман в трех частях из истории одного рыбацкого семейства. Легко видеть, какая тяжелая задача предстояла автору — развить в форме художественного романа жизнь до того несложную, что первое слово каждого лица заключает в себе все остальные его речи, и первая мысль его отражает уже целый ряд мыслей, какие будут приходить к нему во все существование его»²³. Либерал П. В. Анненков перекликался в этом вопросе с Ф. В. Булгариным, который уверял читателей «Северной Пчелы» в разгар появления произведений натуральной школы, что утомительно скучно было бы произведение, если бы писатель взялся описывать подробно «жизнь-бытьё, приемы и занятия какого-нибудь кузнеца, лавочника, извозчика»²⁴. Демократ-писатель, напротив, старался «вбить в себя народные интересы». Щедрин, например, писал о мужике, как единственном источнике литературы: «Иной среды, от которой можно было бы ждать живого, не заеденного отрицанием слова, пока еще не найдено, а потому литература не только имеет право, но даже обязана обращаться прежде всего к исследованию именно этой грубой среды и понимать даваемый ею материал в том виде, как он есть, не смущаясь некрасивой внешностью и не отвращаясь от темных сторон, которые ее обуславливают»²⁵. Больше того, писатель-демократ, по справедливому указанию М. Горького, в лице Н. Помяловского решительно «указал литераторам на необходимость «изучать всех участников жизни», нищих, пожарных, лавочников, бродяг». Он же показал и нищету петербургских низов. Другой писатель, Н. Решетников, еще более расширил тематику и показал рабочих того времени, их быт, жизнь и борьбу за свои интересы. В. А. Слепцов в своих очерках обрисовал новую кабалу и новую жестокую эксплуатацию, уносившую силы и жизнь выброшенных деревней крестьян — рабочих, кабалу, созданную новым распорядителем жизни — капиталом.

Работы для писателя в деле изображения этих новых героев литературы был непочатый край.

Но перед писателем-демократом одновременно встала разрушительная задача. Одни из писателей-демократов взяли на себя задачу разрушения иллюзий, созданных либерально-дворянской прессой вокруг «пресловутого» освобождения крестьян. Другие стали разоблачать «фальшивые» отношения эксплуататоров, всякого рода либералов-помещиков, кулаков-мироедов, кулаков-торгашей и т. п. Третьи — внедрять в сознание народной массы новые понятия о человеческой жизни в новых условиях.

У Ленина имеется исчерпывающая характеристика взглядов революционных просветителей 60-х годов. Их вдохновляла «горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная «черта» просветителя. Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта просветителя это — отстаивание интересов народных масс, главным образом, крестьян»²⁶.

Со всем этим надо было спешить. Эпоха была настолько интересна и любопытна, что наши писатели должны были охотками хватать материал и претворять его в литературные произведения. Жизнь требовала срочных ответов на поставленные вопросы. Беллетристы-демократы писали повести, рассказы, романы, очерки. Чернышевский создает большой социально-политический роман. Н. Успенский пишет очерки и рассказы, Н. Помяловский — повести, В. Слепцов дает ряд очерков, рассказов и большой роман.

В то же время была необычайная тяга, стремление знать новую жизнь «которая только что переверотилась и укладывается»; нужен был новый

материал. Создана была своеобразная теория собирания материала беллетристом. «Прием натуралиста — вот тот новый прием, которым следует вооружиться новому беллетристу, собирание новых идей и фактов для будущих выводов — вот задача нашего времени», — писал Н. В. Шелгунов.

Кроме того, условия цензурной печати толкали на путь использования фактов для достижения пропагандистско-агитационных целей. Добролюбов в письме к С. Т. Славутинскому в апреле 1860 г. давал совет и пояснение, как читать затаенные мысли автора, излагаемые «между фактов». «Чтобы ваши труды не пропадали в цензуре, необходимо говорить фактами и цифрами, не только не называя вещей по именам, но даже иногда называя их именами, противоположными их существенному характеру». Здесь не только ясно характеризованы условия работы революционных демократов, но и объяснены причины эзоповского языка их произведений. Подцензурные условия необходимо учитывать.

В ответ на эти требования создается демократическая беллетристика: рассказы, очерки, записки, дневники, — словом, свой литературный стиль, в центре произведений которого стоит деревня, мужик, его быт, его интересы. Этот стиль противостоял дворянской литературе и в отношении идейно-политического осмысления явлений и в отношении изобразительных средств; отличался он и от лагеря радикальных разночинцев.

Семейно-усадебному роману дворянской литературы революционными демократами противопоставлен социально-политический роман, бытовому очерку — боевой публицистический очерк, взрывающий иллюзии либеральных повествований о пресловутых реформах того времени.

Для иллюстрации своеобразия поэтики демократической литературы возьмем теорию сатиры, созданную революционным демократом Н. А. Добролюбовым, и сопоставим ее с теорией Писарева.

VI

Сатира, по убеждению Добролюбова²⁷, должна быть направлена на разрушение основ феодально-крепостнического строя, на ниспровержение всей политической системы в ее основаниях. Сатирики в «прошлом», по мнению Добролюбова, не возвышались до критики общественного порядка в самом его корне, до бичевания и осуждения всего строя в целом. «Старики в прошлом, — писал Добролюбов, — нападали на необразованность, взяточничество и ханжество, отсутствие законности, спесь и жестокость в обращении с низшими, подлость перед высшими и пр. Но весьма редко в этих обличениях проглядывала мысль, что все эти частные явления суть не что иное, как неизбежное следствие ненормальности всего общественного устройства. Большею частью нападали они на взяточников, так, как будто бы все зло взяточничества зависело единственно от личной склонности таких-то к обдиранию просителей. Никогда в сатирах наших вопрос о взятках не переходил в рассмотрение общего вреда бюрократии и тех обстоятельств, которыми сама бюрократия порождена и развита». Анализ «обстоятельств», породивших бюрократию с ее отвратительными чертами, — поставил бы сатирика в резко враждебное отношение к существовавшему режиму и господствующим классам. До этого сатирики екатерининского времени, ставившие себе цели воспеть Фелицу или угодить меценату-вельможе, люди, тяготевшие к господствующему классу, — не подылились». В качестве основного порока этой сатиры Добролюбов справедливо указывает на то, что эта сатира не выдвинула вопроса о вреде личного произвола и о необходимости для блага общества «общей силы закона», которою бы всякий равно мог пользоваться. Так намеками («личный произвол», «общая польза закона» для всех, а не только для «высших классов») Добролюбов указывал на основные проблемы для той новой сатиры, какую он противопоставлял

прежней, созданной дворянским флангом писателей, сатиры действенной, актуальной и полезной. «Обличения были безуспешны в век Екатерины, — заключает критик. — Причиною же безуспешности мы признаем, главным образом, наивность сатириков, воображавших, что прогресс России зависит от личной честности какого-нибудь секретаря, от благосклонного обращения помещика с крестьянами, от точного исполнения указов о винокурении. Они не хотели видеть связи всех частных беззаконий с общим механизмом тогдашней организации государства [разрядка здесь наша. — Н. Б.] и от ничтожнейших улучшений ожидали громадных следствий, как, например, уничтожения взяточничества от учреждения прокуроров и т. п.». Иными словами, «постоянная связь сатиры с официальным ходом русской жизни» (выражение Добролюбова) обрекала сатиру прежнего времени на бесплодие, слабость, бесцельность усилий.

Бичевание нравов, по мысли критика, не исчерпывает всей сатиры. Нравы производны, они зависят от более глубоких причин. И Добролюбов высказывает правильное осуждение сатире екатерининской эпохи за то, что сатирики этой поры «никогда не добивались до главного, существенного зла, не раздражались грозным обличением против того, отчего происходят и развиваются общие народные недостатки и бедствия. Характер обличений был частный, мелкий, поверхностный, и вышло то, что сатира наша, хотя, повидимому, и говорила о деле, но, в сущности, постоянно оставалась пустым звуком».

Словом, эта сатира шла обыкновенно вслед за административными распоряжениями и карала зло, уже официально пораженное. Критика основ этого строя, — развенчание зла в самой его сущности, вот что составляет сущность сатиры по мысли Добролюбова. Революционный демократ, отстаивавший мысль о революционной борьбе с царизмом, последовательно проводит ту же мысль и в решении вопроса о том, чем должна стать сатира в руках сторонников его партии, какие цели она должна преследовать в деле достижения интересов крестьянской демократии 60-х годов. Если «осторожностью, чтобы не повредить зданию существующего порядка, постоянно руководились сатирики времен Екатерины», то сатирики 60-х годов, по мнению Добролюбова, должны были направить удары по этому зданию, расшатать его стены и разрушить его до основания.

Если по глубокому убеждению революционного демократа Н. А. Добролюбова, сатира должна быть беспощадной, должна была давать оценку самодержавно-крепостнической России с точки зрения угнетенных и эксплуатируемых крестьян, должна была до баррикад быть орудием борьбы против основ царской России, то радикальный разночинец Писарев ставил сатире более умеренные задачи. Мы имеем прямые высказывания Писарева о сатире одного из представителей революционной демократии 60-х годов — Салтыкова-Щедрина и они-то (высказывания) прекрасно показывают все расстояние между Писаревым и лагерем революционной демократии. Правда, надо учесть, что критическую статью о Щедрина Писарев писал после спада революционного подъема 60-х годов, когда радикальный разночинец стал колебаться, «трезветь», склоняться к либерально-буржуазным позициям.

Оценка Писаревым сатиры демократов, разоблачавших крепостнический характер крестьянской реформы, вытекала из его социально-политических убеждений, что реформа 1861 г. целиком устранила крепостничество и существующий порядок не подлежит осмеянию с тех именно сторон, какие бичевали революционные демократы. «Крестьянскую реформу» 61-го года... либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли», — говорит Ленин²⁸.

Возражая Щедрина, вскрывавшему в своих произведениях смело и решительно мерзости феодальных порядков, поддерживаемых крепостниками и

после «пресловутого» освобождения крестьян, Писарев дал такой совет сатирику.

«Все внимание сатирика, — писал он, — направлено на вчерашний день и на переход к нынешнему дню. Хотя этот переход совершился очень недавно, но он очевидно составляет для нас прошедшее, совершенно законченное и имеющее чисто исторический интерес; а историю эту писать еще слишком рано, да и совсем это не щедринское дело. Конечно, крепостное право так глубоко отравило все отправления нашей народной жизни, что тяжелая старина долго еще будет давать себя чувствовать в разных воспоминательных ощущениях весьма неприятного свойства... все это так, но все эти отпрыски срубленных деревьев надо изучать именно в их теперешних видоизменениях; и, чтобы изучать их, нет никакой необходимости восходить ни к тем векам, когда деревья стояли на корню, ни к тем минутам, когда деревья стали трещать под топором. Прошедшее само по себе, переход сам по себе, а настоящее тоже само по себе. В истории все эти моменты, разумеется, связаны между собой и объясняют друг друга, как необходимое сцепление причин и следствий, но опять-таки никому в голову не приходит требовать и ожидать от Щедрина истории, а сатира хороша только тогда, когда она современна. Что мне за охота и за интерес смеяться над тем, что не только осмеяно, но даже уничтожено законодательным распоряжением правительства»²⁰.

Как видно Писарев недооценивал значение борьбы с пережитками крепостничества в современности. Неверная в политическом смысле позиция критика оказалась чреватой ошибками в литературно-художественной области.

Добролюбов не только размышлял над судьбами русской сатиры в прошлом, не только осмысливал характер и пути сатиры своего направления, не только создал продуманную теорию этого жанра, не утратившую значения и интереса по сию пору, но и выступал как сатирик, он владел этим пером и оставил значительное наследство, как политический поэт.

В полном согласии со своими социально-политическими взглядами Добролюбов сам выступил сатириком. В студенческом рукописном журнале «Слухи», за три-четыре года до большой принципиальной статьи «Русская сатира» (1859) Добролюбов бросил изумительно смелый, для юноши студента, вызов самодержавному деспоту. В одной из этих ранних сатир (1855), появление которых в печати стало возможным только после революции, Добролюбов, в момент усиленных попыток со стороны правительства поднять патриотический дух после падения Севастополя, решил сказать следующие слова, полные сарказма и негодования по адресу царей: «Говорят, не может быть преданности к царю более той, какую имеют русские; но, кажется, если бы одна из этих карет (в каких ехала царская семья на церемонию 30 августа 1855 г. по случаю именин наследника, будущего Александра II) помазана была господом богом на царство русское, то народ в тысячу раз более имел бы благоговения к такому помазаннику». Для того, чтобы сказать это в эпоху жестокой реакции Николая, нужна была не только огромная смелость, но и глубокая уверенность в истине. Так и было на самом деле: «Жизнь, безопасность личную отдам я на жертву великому делу», — признавался юный Добролюбов в «Дневнике» 1855 г.

Сатира Добролюбова была беспощадна не только в отношении бездарных носителей «личного произвола», но и в смысле разоблачения лжи самого принципа самодержавия. «Он (т. е. Николай), — писал в сатире «Николай 1-й» (1855) Добролюбов, — в своем уложении положил уголовное наказание тому, кто будет заниматься из русских подданных продажей негров, а между тем он спокойно смотрел на продажу и покупку крестьян — этих белых негров».

В «Оде на смерть Николая I-го» (1855) Добролюбов отозвался на это событие так, как подобает противнику самовластья:

Один тиран исчез, другой надел корону,
И тяготеет вновь тиранство над страной.
И ни попыткой, ни кликом, ни полсловом
Не обнаружались трусливые сердца,
И будут вновь страдать при сыне бестолковом,
Как тридцать лет страдали при отце.

Обращаясь к новому тирану, юный демократ угрожал:

Поверь, на зло царям, к свободе Русь придет,
Тогда не пощадит тирана род несчастный.
И будет без царей блаженствовать народ.

Революционный подвиг молодого студента Розенталя послужил сюжетом целого стихотворения Добролюбова «К Розенталю» (1856), в котором он приветствовал этого «поборника истины, друга вольности народной», разбудившего «дремлющих рабов». В одной из юношеских сатир Добролюбов выступает против крепостного права, — вопроса, из-за формы разрешения которого шла ожесточенная борьба в те годы между крепостниками и представителями буржуазно-дворянского либерализма, с одной стороны — и представителями крестьянской демократии, с другой.

Добролюбов решительно стоял за устранение всей системы крепостнического строя и всех остатков феодализма в стране. В сатире он звал к решительному переустройству общественных отношений. Не осмеяния обыкновенных человеческих слабостей, а разрешения коренных политических вопросов требовал в теории и проводил в своей ранней сатире Добролюбов.

В сатирах Добролюбов обрушился со всей силой на порядки и нравы царской сатрапии, на отталкивающую презренную личность самого Незабвенного (Николая): «Не лист, не два, а несколько томов можно наполнить рассказами его (Николая) ужасных отвратительных деяний. Каждое имя из приближенных к нему людей давно уже сделалось символом низости, грубости, воровства, невежества. А сколько произвола, сколько неуважения даже к тем правилам, которые ими самими постановлены».

С 1857 г. Добролюбов становится одним из главных сотрудников «Современника» и печатает в этом журнале и «Искре» свои сатирические произведения. С 1859 г. он создает, печатавший как приложение к «Современнику», знаменитый «Свисток». В девяти номерах последнего Добролюбов поместил большую часть своих сатир. Печатание в подцензурной журналистике, разумеется, оказало влияние на тематику сатиры Добролюбова; касаться политической власти он не мог. Но актуальность содержания его сатиры не снизилась. Добролюбов нашел не менее острые и злободневные объекты, заслуживавшие беспощадной критики. Буржуазно-дворянский либерализм подвергся в сатире Добролюбова этого времени двойной критике, — с одной стороны, как политическая доктрина, с другой, как теория искусства. То и другое в представлении Добролюбова тесно связано и взаимно дополняло одно другое.

«В дворянской и прогрессивной части буржуазии, — писал Добролюбов, — существуют либеральные наклонности, но у них, кажется, никогда не было никакой определенной программы. Это — либерализм надежд и желаний, который охотно мирился бы со всяким правительством, лишь бы оно [было] не так безнравственно и позорно, как нынешнее». Вскрыть так определенно политическое единство либерализма с правительственной организа-

цией царской России в те годы, когда к ней сочувственно относились такие люди, как Герцен, когда она преследовала либералов, когда либерализм принимал позу протеста, — для этого надо было иметь большую политическую прозорливость.

С не меньшей решительностью в сатирическом искусстве Добролюбов показал, что либерализм не был силой в борьбе против социальной несправедливости. Либеральный фрондер нападал на отдельные установления власти и отдельные пороки общества, но не в силах был подняться до критики основ политического строя. Добролюбов вскрыл оппортунизм либеральной сатиры М. Розенгейма. Добролюбов показал, что либерал Розенгейм при кажущейся смелой критике действительности «не может взять на себя каких бы то ни было изменений и улучшений в общественном порядке» (Добролюбов). В своих критических статьях он заклеил мелкотравчатость либерального обличительства (например, в статье «Литературные мелочи прошлого года», 1857). В сатирических стихотворениях образ либерального деятеля наделен теми же чертами. В стихотворении «Страдания вельможного филантропа» (1858) и «Общественный деятель» (1859) разоблачается показная отзывчивость болтуна-филантропа, все «благие намерения» которого останавливаются «из-за помех ничтожных и смешных» (не может ехать на тройке, так как четвертая лошадь больна). Стих. «Пора» (1858), «Хор литературных обличителей», «Моему ближнему» (1858), «Мысли помощника винного пристава» (1859) направлены против либеральных «прогрессистов», лжеобличителей, разглагольствовавших об «отдельных недостатках общества», подлежащих устранению путем мирных реформ, — и лицемерно взывающих о подвиге, самопожертвовании и т. п. с «разрешения начальства... и в пределах дозволенных».

Коль наскучил ему нашей песнею,

Долг его (генерала) — приказать нам молчать,

так говорит либеральный болтун в сатире Добролюбова.

Большинство сатир является откликами на тогдашние события русской и западноевропейской жизни. В этом смысле интересно указать на «Опыты австрийских стихотворений» соч. Якова Хама (псевдоним Добролюбова). Австрией сатирик воспользовался для разоблачения порядков царской России, так как социально-политическое состояние России и Австрии в те годы представляло разительное сходство: в этих монархиях были расстроены финансы, обременительные налоги давили народ, угнетала строгость цензуры, шла борьба с вольномыслием и наукой, назревал глубокий кризис в стране после неудачных войн (Австрия потерпела поражение в войне с Италией в 1854 г., Россия — в Севастополе в 1856 г.). Издеваясь над Австрией, Добролюбов, несомненно, метил и в Россию, о которой он не мог прямо говорить из-за строгостей цензуры. Также сравнением с Сирией Добролюбов вынужден был показать современникам жестокость колониальной завоевательной войны России на Кавказе. В стихотворении «Сирия и Крым. Ода на выселение татар из Крыма» в серии стихотворений Конрада Лилиеншвагера Добролюбов изображает «поэтический контраст» мудрого и кроткого правления в России и волнений в Сирии, смысл которого в том, что под видом прославления России обличается угнетение и грабеж царскими сатрапами крымских татар, вынужденных бежать из Крыма:

Никто не принуждал их к перемене веры,

Не отнимал ни хлеба, ни земли,

Но обольщенные невежеством и ленью

Татары самовольству предались,

И вдруг, покорствуя какому-то внушенью,
Все наутек из Крыма поднялись.

Добролюбов сумел в подцензурной прессе открыто и с поразительной точностью показать противоположность социальных программ «черни» (на рода) и прогресса (либерализма).

Чернь:

Прогресс стоюк благородной
Шел тихо горною стезей,
А вокруг него, в толпе голодной,
К идеям выпреним несродной,
НосилсЯ жалоб гул глухой.
И толковала чернь тупая:
«Зачем так тихо он идет,
Так величаво выступая?
Куда с собой он нас ведет?
Что даст он нам? Чему он служит?
Зачем мы с ним теперь идем?
И нынче всяк, как прежде, тужит,
И нынче с голоду мы мрем...
Все в ожиданьи благ грядущих
Мы без одежды, без угла,
Обманов жертвы вопиющих
Среди царяющего зла.

Прогресс на эти вопли отвечает:

Молчи, безумная толпа!
Ты любишь наедаться сыто,
Но к высшей правде ты слепа,
Покамест брюхо не набито!..

Раба нужды материальной
И пошлых будничных забот,
Чужда ты мысли идеальной!

Добролюбов был кровно заинтересован в отстаивании интересов бедняков. В стихотворении «Бедняку» (1858) Добролюбов восторженно отзывается о вопле бедняка, как единственного живого человека в мертвой стране:

Горькой жалобой, речью тоскливой
Ты минуту отрады мне дал:
Я средь этой страны молчаливой
Уж и жалоб давно не слышал...

Горе и разоренье в деревне, тяжелая доля солдата, социальное расслоение в городе — все это нашло отклик в ряде сатирических стихов Добролюбова («Газетная Россия», «Перед дворцом» и др.).

Социальный контраст богатства и бедности в капиталистическом городе Добролюбов не только осудил с позиций защитника беспомощной нищеты («Перед дворцом»), но сумел показать зарождение в этих условиях плебейского борца, бросающего вызов эксплуататорам. (См. выше приведенное стих. на стр. 79).

Добролюбов гневно упрекал сатириков екатерининского времени за то что они «не спускались до простого люда», чуждались народных интересов

Как политическая экономия того времени, «гордо провозглашающая себя наукою о народном богатстве», заботилась «о возможно скорейшем увеличении капитала», так литература и сатира служили «классу капиталистов, весьма мало обращающая внимания на массу людей, бескапитальных, не имеющих ничего кроме собственного труда», — писал Добролюбов.

Вполне естественно, что революционный демократ в своей сатире подверг осмеянию барскую эстетику и ее представителей. В «Стихотворениях Аполлона Капелькина» (1860) он высмеял К. Случевского, как провозвестника «чистого искусства». «Юное дарование, обещающее проглотить всю современную поэзию» — это синтетический образ поэта версификатора, человека без убеждений. Он пародировал поэзию эстета и крепостника Фета, вскрывая гипертрофию эротики в дворянской поэзии (стих. «Вечер. В комнате уютной»). Контрастом черт натурализма и обнаженностью сюжета Ап. Капелькин (Добролюбов) разрушил покров романтики фетовской лирики. Он пародировал либеральные стихи М. Розенгейма, едко иронизировал над Вл. Соллогубом и его героем Надимовым, чиновником, праздно мечтавшим о подвиге и т. п. (стих. «Пора. Обновление Руси»).

Добролюбов использовал в комическом смысле песенку Мэри из «Пира во время чумы» Пушкина.

В целом сатира Добролюбова в ряду жанров, созданных революционно-демократическим крылом литературы 60-х годов, занимает видное место. Ее значение вынужден был признать даже умеренно-либеральный критик Аничков, писавший, что «политические стихи (Добролюбова) имели в свое время успех, как таковые, да и до сих пор, по справедливости, успех этот за ними, общественное значение их немаловажно».

Однако, сатира Добролюбова, несправедливо обруганная мракобесом А. Воыньским, усмотревшим в «Свистке» ряд «грубых и бестактных ошибок на публицистической почве», была несправедливо забыта. При своем появлении она вызвала острые споры, — признание со стороны революционной демократии, резкое осуждение со стороны реакционеров. Варф. Зайцев склонен был ценить в Добролюбове только талант поэта и публициста и отказывал ему в значении литературного критика. «Добролюбов, будучи плохим или вовсе не будучи критиком, был сатириком, публицистом», — писал он в 1864 г. В том же году П. А. Вяземский, с которым Добролюбов сталкивался как с товарищем министра народного просвещения из-за резкой сатиры на юбилей Греча, поэт и когда-то либерально настроенный друг Пушкина, отверг поэзию Добролюбова. В эпиграмме на Добролюбова он заявил:

Как ни хвали его усердный круг друзей,
Плохой поэт был их покойник;
А если он и соловей,
То только — соловей-разбойник.

Добролюбов был в критике социалистическим Лессингом, по меткому определению Ф. Энгельса. Таковым он выступает и в своей сатире. В этом была сильная, революционная сторона его сатиры. Революционный демократ звал и в сатире и в статьях к социальной революции и убеждал, что сатира, создаваемая в защиту интересов народа, должна не плестись за законом, а идти впереди жизни, бичуя ее «аномалии». Отвечая реакции и либералам и обращаясь к демократии, Добролюбов писал: «С изменением форм общественной жизни, старые принципы тоже принимают другие, бесконечно различные формы, и многие этим обманываются. Но сущность дела остается всегда та же и вот почему необходимо, для уничтожения зла, начинать не с верхушки и побочных частей, а с основания». В полном согласии с этой программой Добролюбов писал сатиры, делая их орудием политической борьбы с царизмом, с реакцией и либерализмом.

В глазах Добролюбова в 60-е годы в эпоху нарастания революции сатира была наиболее приемлемым средством борьбы. Расцвет сатиры знаменовал, по его мысли, не только повышение общественной сознательности, но и приближение самой революции. Сатира — это предвестник революции. Именно так осознал Добролюбов генезис сатиры того времени «...является ропот, негодование, и в литературе он выражается сатирой, сначала глухой, действующей намеками в басне, потом более открытой — в сатире лирической и драматической» (1858). В этом иносказании можно видеть, что Добролюбов связывал зарождение и развитие сатиры с революцией.

Как понять такую оценку сатиры Добролюбовым?

Добролюбов, в силу условий самодержавно-полицейского строя России, высоко ценил литературу, он был беззаветно предан ее интересам. Литература в его глазах вырастала в союзницу революции. Пока нет революции, нет открытой борьбы, нет баррикад, литература — агитатор и пропагандист революционных идей в массе народа. Сатира из всех литературных жанров, по преимуществу, может стать рупором для выражения протеста и критики, средством для выражения призывов к решительному ниспровержению существующего строя, а также и для провозглашения революционных идей. Добролюбов и выступал в сатире против царизма и его произвола, против основ помещичье-барской России, против крепостничества и его остатков, против представителей буржуазно-дворянского либерализма и реакции в литературе, против эстетов и чистого искусства.

К стихотворной форме Добролюбов нередко прибегал для быстрого отпора и спешного разоблачения политических выступлений своих врагов. Так, всем памятна сатирическая атакка Добролюбова на либеральных болтунов, почтивших память Белинского «пышным обедом». Вернувшись с обеда, происходившего 6 июня 1858 г., Добролюбов немедленно написал «Гост в память Белинского» и тут же разослал участникам свои гневные инвективы.

Требую от сатиры действенности и злободневности, Добролюбов восставал против «голового дидактизма», что видел в стихах Жемчужникова и А. Плещеева. «Если у нас нет еще... общественной живой поэзии, а все попытки на нее сбиваются на памфлеты, то нужно жалеть об этом явлении и желать, чтобы поэты наши посвятили себя серьезнее поэзии жизни» (Дневник 1857 г.). Реализм, историческая правдивость сатиры Добролюбова, объективно-историческое содержание, отражавшее очередные и коренные вопросы эпохи, нередко были облечены Добролюбовым в высокую художественную форму. В сатире Добролюбова чувствуется усиленное биение новой жизни, высказана непримиримая критика и суд над отсталыми явлениями общественной жизни; здесь звучит не пассивное страдание, а пламенное приятие новой жизни, активная жизнедеятельность и несгибаемая твердость убеждений революционного демократа. Сатира Добролюбова органически объединялась с публицистикой и критической деятельностью Добролюбова; она росла в связи с подъемом революционно-политического сознания демократа. Сатира была в руках Добролюбова таким же оружием, как отточенное перо критика. Обоиими оружиями Добролюбов владел в совершенстве и разил врагов революции.

VII

Борьба с дворянской литературой сочетается у вождей революционной демократии с построением новой демократической эстетики: искусство должно подражать жизни, должно быть реалистическим искусством. Такой реалистической в своих основах и была демократическая беллетристика. Напи-

санный Чернышевским трактат: «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), стал эстетическим манифестом для писателей революционной демократии. Выход в свет этого трактата совпал с выходом первых очерков Н. Успенского, зачинателя демократической литературы о мужике.

Н. В. Успенский (1837 — 1889) начал печататься в «Современнике» с приходом туда Чернышевского. Первый его очерк появился в 1858 г.

Н. Успенский первый безраздельно посвятил свои очерки раннего демократического периода (с 1857 по 1860 г. приблизительно) мужику, деревне, мужицкой темноте и невежеству. Чернышевский ценил в творчестве Н. Успенского то, что он пишет «правду без всяких прикрас». Впервые в очерках Н. Успенского раздался голос смелого, правдивого повествователя о мужике, отличного по типу и манере изображения от деревенских очерков писателей дворян.

Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» (1861) развил мысль о зарождении демократической литературы, отличной от либерально-дворянской; о размежевании этих двух литературных потоков и необходимости демократическим писателям при изображении деревни и мужика идти дальше писателей либерально-дворянского лагеря. «Таково было отношение прежних наших писателей к народу. Он являлся перед нами в виде Акакия Акакиевича, о котором можно только сожалеть, который может получать себе пользу только от нашего сострадания. И вот писали о народе точно так, как писал Гоголь об Акакии Акакиевиче. Ни одного слова жестокого или порицающего. Все недостатки прячутся, затушевываются, замазываются. Налегается только на то, что он несчастен, несчастен, несчастен. Посмотрите, как он кроток, и безответен, как безропотно переносит он обиды и страдания! Как он должен отказывать себе во всем, на что имеет право человек! Какие у него скромные желания! Какие ничтожные пособия были бы достаточны, чтобы удвоить и осчастливить это забытое существо, с таким благоговением смотрящее на нас, столь готовое проникаться беспредельною признательностью к нам за малейшую помощь, за ничтожнейшее внимание, за одно ласковое слово от нас. Читайте повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателями — все это насквозь пропитано запахом «шинели» Акакия Акакиевича».

Иной характер носит изображение и показ народа у Н. Успенского; причину этого Н. Чернышевский видел в различии отношения писателя-демократа к народу. «Замечали ли вы, какую разницу в суждениях о человеке, которому вы симпатизируете, производит ваше мнение о том, можно ли или нельзя выбить этому человеку из тяжелого положения, внушающего вам сострадание к нему? Если положение представляется безнадежным, вы толкуете только о том, какие хорошие качества находятся в несчастном, как безвинно он страдает, как злы к нему люди, и так далее. Порицать его самого показалось бы вам напрасною жестокостью, говорить о его недостатках — пошлою бесчувственностью. Ваша речь о нем должна быть панегириком ему, — говорить в ином тоне было бы вам совестно. Но совершенно другое дело, когда вы полагаете, что беда, тяготеющая над человеком, может быть отстранена, если захочет он сам и помогут ему близкие к нему по чувству. Тогда вы не распространяетесь о его достоинствах, а беспристрастно вникаете в обстоятельства, от которых происходит его беда. Обыкновенно вы находите, что нужно перемениться и ему самому, чтобы изменилась его жизнь; вы замечаете, что напрасно он делал в известных случаях так, а не иначе, что ошибался он относительно многих предметов, что в характере его есть слабости, от которых надобно ему исправляться, что в привычках его есть дурное, которое должен он бросить, что в образе его мыслей есть неосновательность, которую должен он уничтожить более серьез-

ным размышлением. Как бы ни началась ваша речь о таком человеке, незаметно для вас самих переходит она в укоризны ему. А вы, когда действительно желаете ему добра, ни мало уже не конфузитесь этим, — вы чувствуете, что в суровых ваших словах слышится любовь к нему и что они полезны для него, гораздо полезнее всяких похвал».

Чернышевский не только истолковал творчество Н. Успенского, как начало новой литературы, но в связи с этим поставил проблему эстетического порядка и проблему об отношении литературы к революции. Противопоставляя Н. Успенскому творчество писателей-дворян, идеализировавших крестьянина, Чернышевский утверждал, что «прежние отношения к народу, как будто к невинному в своем злосчастии Акакию Акакиевичу, никуда не годятся». Успенский знает это и берет на себя задачу показать недостатки живых мужиков. «Успенский выставил нам русского простолюдина простофилю, — говорит Чернышевский, — и если находим какое-нибудь качество в дюжинных людях русского мужицкого сословия, изображенных у г. Успенского, то в этом же самом качестве мы готовы уличить и огромное большинство людей всякого сословия». Однако в этом критик видит решительный поворот писателя к мужику, к народу: «Очерки Успенского производят тяжелое впечатление на того, кто не вдумывается в причину разницы тона у него и у прежних писателей. Но, вдумавшись в дело, чувствуешь, что очерки г. Успенского — очень хороший признак. Мы замечали, что решимость г. Успенского описывать народ в столь мало лестном для народа духе свидетельствует о значительной перемене в обстоятельствах, о большей разности нынешних времен от недавней поры, когда ни у кого не поднялась бы рука избаловать народ. Мы замечали, что резко говорить о недостатках известного человека или класса, находящегося в дурном положении, можно только тогда, когда дурное положение представляется продолжающимся по его собственной вине и для своего улучшения нуждается только в его собственном желании изменить свою судьбу. В этом смысле надобно назвать очень отрадным явлением рассказы г. Успенского, в содержании которых нет ничего отрадного».

«Нынешние времена», столь отличные «от недавней поры», — это была революция 1861 года, вернее говоря, перспектива революции. Но революционная обстановка, не приведшая к революции, все-таки была обстановкой революции, и понять Чернышевского невозможно, если не рассматривать его деятельность во всех ее деталях в связи с тем, что она была лишь отражением подготовки и нарастания революционного кризиса. Статья об Успенском писана в разгар, в момент подъема революционной волны в крестьянстве³⁰, напечатана она была в ноябрьской кн. «Современника» (1861) и отзвуки революционных настроений в статье Чернышевского явственно звучат. До сих пор в литературе недостаточно обращено внимания на эту сторону дела; недостаточно оценили эту статью Чернышевского, как призыв к революции. Но этот призыв в ней есть, хотя и выражен в весьма скрытой форме. Придя к выводу, что в очерках Успенского дана картина народной жизни «непривлекательная: на каждом шагу вздор и грязь, мелочность и тупость», Чернышевский заканчивает статью намеком на революционный путь выхода из этого положения для крестьянства. «Но не спешите выводить, — говорит Чернышевский, обращаясь к читателю «Современника», — из этого никаких заключений о состоятельности или несостоятельности ваших надежд, если вы желаете улучшения судьбы народа, или ваших описаний, если вы до сих пор находили себе интерес в народной тупости и вялости. Возьмите самого дюжинного, самого бесцветного, слабохарактерного, пошлого человека: как бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бывают в ней минуты совершенно другого оттенка, минуты энергичных усилий, отважных решений. То же са-

мое встречается и в истории каждого народа» [разрядка здесь наша. — Н. Б.]. Вместе с этим указанием на революционный путь борьбы, неизбежный для крестьянства, Чернышевский сумел протащить через цензуру и другое не менее важное указание на массовость революции, на участие в ней народа, ее низов, «дюжинных», «бесцветных» людей. Больше того, Чернышевский, писавший эту статью в атмосфере революционных сдвигов и приближающейся крестьянской революции, бросил смелую мысль о революционном восстании масс. Этот намек ясен в следующем рассуждении Чернышевского. Указав, что Успенский показал «простофильство» мужика и приведя слова Некрасовской «Песни убогого странника», Чернышевский говорит: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы... Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилю. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп» [разрядка наша. — Н. Б.]].

Проводя мысль о революционизирующем значении творчества Н. Успенского, Чернышевский выдвинул вопрос о реализме его очерков. Это особенно ясно проступает в оценке Чернышевским рассказа «Обоз», о котором так много писала в те годы критика всех лагерей: «Кажется, — говорит Чернышевский, — если бы г. Успенский написал только эти три-четыре страницы о народе, (что составляют «Обоз»), мы и тогда должны были бы назвать его человеком, которому удалось так глубоко заглянуть в народную жизнь и так ярко выставить перед нами коренную причину ее тяжелого хода, как никому из других беллетристов».

Чернышевский обошел молчанием связь художественного творчества Н. Успенского с его социально-политическими убеждениями, он умолчал и о политических взглядах писателя, что, естественно, было из-за политических и цензурных условий. Сейчас у исследователей мало материалов для суждения об этом, но все же небольшой, но ценный и надежный источник есть. Сохранилось письмо Н. В. Успенского к К. К. Случевскому из Парижа от 24 июня 1861 г., в котором Н. Успенский высказал ясно свои социально-политические взгляды. Он писал:

«Но находятся же такие пакостные люди, как, например, Боткин, которые стоят за Александра Николаевича (т. е. за царя). Боткин, когда я сказал, — пишет Н. Успенский, — что мне Рим не понравился, как всякий город, задыхающийся от бедности и лишений, потом, что манифест русский — вероятно вздор, и что я не верю в освобождение, он меня принялся ругать закорузлым невеждой (я у него спросил, не болит ли у него желудок, — он сказал, что точно, пищеварение трудно совершается), потом сказал:

«Новые положения, недавно объявленные правительством, — превосходны, и пусть ваш мужик околеет, если не воспользуется этими положениями, — наконец он заключил: а я давно говорил Герцену про Александра Никол[аевича]: «Не ругай ты его, пожалуйста!» Да, как Герцену, так и Боткину пора-пора прочитать отходную, а то просто спеть вечную память! Знаете, что теперь Герцен пишет: «Мозг разлагается, кровь стынет в жилах при рассказах о ужасах в России». Это говорит тот, кто до сей поры все изливал свою веру и надежду на Алекс[андра] Н., да! По всей вероятности — у этих людей мозг уже разлагается... а у Боткина первого, это я знаю верно»³¹. Н. Успенский идейно отмежевался от Боткина и от Герцена, он не в стане либерализма, ни на стороне колеблющегося между либерализмом и демократизмом Герцена. Успенский на стороне революционных разночинцев, т. е. на стороне Чернышевского. Это письмо значительно восполняет пробел в политическо-идейном облике Н. Успенского. Оно вполне определяет если не социальную программу, то ту тенденцию, которую отстаивал писатель в своем творчестве, — тенденцию, близкую Чернышевскому, ставя-

щую Н. Успенского безусловно в ряды революционных демократов, стоявших за «американский» путь развития капитализма.

Всего этого было достаточно, чтобы Н. Успенский после появления в печати первых же очерков стал знаменем враждебной литературы в глазах буржуазно-дворянских писателей. Это отношение очень характерно прорвалось в оценке Тургеневым рассказа В. Слепцова, появившегося в 1861 г. Тургенев в письме к В. Боткину от 21 сентября 1863 г. для наибольшей понятности человеку своего кружка сравнил очерк нового писателя В. Слепцова с творчеством известного Н. Успенского: «Прочел ли ты в «Современнике» рассказ вроде Успенского под названием «Питомка» некоего Слепцова? — Это пробирает до мозга костей, — и, пожалуй, тут сидит большой талант. Но один реализм губителен; правда, как ни сильна, не художество. Но в этом рассказе есть что-то «кроме одной правды»³².

Любопытно, что Тургенев не только указал на «партийность» очерка В. Слепцова, но отметил беспристрастно художественную сторону очерков Н. Успенского.

Актуальность тематики (деревня и мужик) и демократическая трактовка ее, более прогрессивная, чем своекорыстная — дворянская или либеральная — трактовка были причиной популярности творчества Н. Успенского в 60—70-е годы и длительной, страстной и оживленной полемики вокруг его произведений в те же годы. Poleмика длилась годами; погасая, она вновь вспыхивала с появлением нового издания его очерков. В полемике высказались представители всех основных социально-общественных и литературно-критических группировок 60—70-х годов³³.

Основным в этой полемике было страстное стремление опровергнуть оценку революционного демократа Н. Чернышевского творчества Н. Успенского и противопоставить мнению его о революционизирующем значении очерков Н. Успенского понимание Н. Успенского то как незатейливого бытописателя, чуждого глубоких замыслов и далекого от революционного реализма, то как беззлобного юмориста и т. п. Словом, представители всех групп пытались «снизить» Н. Успенского и дать свое истолкование его, показав художественно слабые стороны его очерков. Видя угрозу либерально-дворянской литературе в этой новой силе, они всячески доказывали мысль о том, что этот писатель якобы «повторяет» Тургенева.

В ранний демократический период своего творчества Н. Успенский развернул в своих очерках борьбу на два фронта: против феодально-крепостнических порядков и его учреждений (напр. очерк «Старуха», 1854), угнетавших крестьян и «мелкий люд», и против либерализма. В очерке «Сельская аптека» (1859) Н. Успенский задолго до реформы 1861 г. и «массового появления» либеральных помещиков и проведения ими в своих усадьбах «мероприятий», направленных по видимости к улучшению «быта крестьян», разоблачал ярко и смело всю ложь этого типа помещика, проводившего улучшения за счет своих крепостных рабов и по сути остававшегося эксплуататором, как и все крепостники.

Мы ограничили свой анализ ранним периодом творчества Н. Успенского, закрепленного им в издании «Очерки народного быта», куда вошли очерки 1858—1860 гг. В эти годы ведущей тенденцией в творчестве этого писателя был демократизм. Позднее в творчестве Н. Успенского, хотя и изображавшего, например, хищническую буржуазию в деревне («Федор Петрович», 1866) или разоблачавшего либералов-земцев, оберегавших кулацкую эксплуатацию крестьянской бедноты (очерк «Старое по старому», 1870), однако наметился отход от просветительско-демократических позиций и трезво-правдивого, критически-реалистического освещения жизни крестьянства и разоблачения буржуазно-дворянского либерализма, о чем писал Н. Черны-

шевский. Надо отметить, что и в раннюю пору Н. Успенский как писатель был неровен; при наличии общих недостатков — как эмпиризм, временами отсутствие широких обобщений, глубины идейного замысла — юмор Н. Успенского был тяжел; попытки Некрасова (и надо предполагать, — Н. Чернышевского) повысить его культурность и побудить его писать романы закончились безуспешно. Поездку за границу, организованную ему Некрасовым, Н. Успенский не использовал должным образом и в начале 70-х годов он уходит из большой прессы.

Ранний демократический этап в творчестве Н. Успенского связан с работой в «Современнике», когда писатель, несомненно, подпадал под влияние Чернышевского. Этот период наиболее ценный в его творчестве и отмечен существенными чертами. Менее ценный период колебаний, шатаний и ската к «Русскому Вестнику» и мелкой прессе в 70-е годы мы оставляем в стороне.

VIII

Литературное направление, возглавлявшееся Чернышевским, было литературным авангардом революционной крестьянской демократии. Но применяя это положение, следует особенно остерегаться всякого упрощения, всякой вульгаризации, всякого схематизма. Процесс становления этого стиля был в высокой степени сложным и противоречивым. А в 60-х годах стиль этот как раз находился в процессе становления.

Литературные, как и политические идеологи революционной крестьянской демократии рекрутировались в то время из среды разночинной интеллигенции.

Эта интеллигенция была многослойна и находилась под влиянием разных классов. Часть разночинной интеллигенции вовлеклась в орбиту влияния правящего крепостнического дворянства и — частью корыстно, а частью и искренне — превращалась в один из отрядов идеологической армии правящего класса. Противоположная часть разночинной интеллигенции превращалась в авангард революционной крестьянской демократии. Огромный же массив образованных разночинцев был неразрывными узами связан с городской мелкой буржуазией. Этот социальный строй, сыгравший такую выдающуюся роль во французской революции, в России играл совершенно иную роль.

Крестьянская демократия, внушая революционные настроения своему авангарду, оказывала воздействие на слои городской мелкой буржуазии. Вполне закономерно, что в сложном сплетении становящейся в 60-е годы революционно-демократической литературы вливавшаяся в нее струя мелкой городской буржуазии в лице лучших своих представителей прорывалась через барьер своей классовой ограниченности и выражала широкие общедемократические настроения и требования.

Яркий пример тому Н. Г. Помяловский (1835—1863). Находясь под прямым и непосредственным влиянием «Современника» и вождя революционной демократии Н. Г. Чернышевского, этот писатель, которого до сих пор упорно расценивают в критике как ограниченного идеолога мелкой городской буржуазии, отразил основные стремления подлинно революционной демократии. Выдвинутая им и развиваемая в ряде образов (Молотов, Потесин, Лесников) проблема формирования нового человека того времени — плебей-демократа является яркой иллюстрацией перерастания его из рамок узко-классовых до понимания общедемократических, наиболее исторически-объективных требований эпохи.

В критике установилось признание за творчеством Н. Помяловского того, что его произведения проникнуты неприязнью к барству, плебейским

самоуважением, стремлением к безбоязненно-правдивому показу суровой действительности. Критики указывают, что нередко в произведениях Помяловского звучат ноты гневного протеста против страданий и унижений, выпавших на долю трудящейся бедноты. Но зато-де тщетно искать здесь четкой революционной программы, что здесь протест заканчивается заботами о личном преуспевании. Утверждают, что Помяловский в своем творчестве не сумел подняться на соответствующую идейную высоту; он, как художник, ограничивался показом относительно узкого круга городского мещанства и мелкого чиновничества.

Подобные оценки свидетельствуют только о том, что исследователи и критики не разобрались в том, какую значительную эволюцию проделал Н. Помяловский в сравнительно недолгий срок своего писательства (с 1856 до 1862 гг.).

Прежде всего отметим, что воинствующий демократизм — характернейшая черта его, как писателя и как человека. Близкий друг его Н. А. Благовещенский вспоминает: «На каждую силу, выходящую из мещанства или вообще из низших слоев общества, Помяловский смотрел с уважением и гордостью». «Вот это наши трогают, — говорил он в восторге. — На барство рассчитывать нечего, а вот, ужо, погоди, наши выставят свои силы, не то будет»³⁴.

Помяловский был сторонником взглядов Н. Г. Чернышевского. В письме к последнему он заявил: «Я вас уважаю, мало того, я ваш воспитанник; — я, читая «Современник», установил свое мировоззрение»³⁵.

Помяловский сосредоточился на художественном изображении плебей-демократа, на проблеме роста его самосознания и самоопределения, как нового человека, как силы, отличной от барства, враждебной ему и презираемой барством. Нарисованы Помяловским четыре образа, в которых отразилась эволюция плебея в понимании писателя-демократа. Два из них всем известные — Молотов и Череванин; и третий менее известный Потесин, герой неоконченного романа «Брат и сестра» (1862), и четвертый — совершенно несправедливо игнорируемый образ учителя Лесникова.

Молотов, главный герой повести «Мещанское счастье», сын слесаря-мещанина, взятый на воспитание профессором, получил высшее образование. Попав в качестве учителя в усадьбу помещиков Обросимовых, он сталкивается с барским пренебрежением к себе, понимает свою чуждость, несродность с барской средой. В Молотове внезапно пробуждается гордость плебея, демократа. «Всю душу его поворотило. Плебей?.. Нищий?.. Дворянского гонору нет?.. А я, дурак, думал, что они меня любят и доверяют мне... Черти, черти... Белая порода. Чем мы, люди черной породы, хуже вас? Мы мещане, плебеи, дворянского гонору у нас нет? У нас есть свой гонор».

В столкновении с «барами-кулаками, аристократишками» (выражение Помяловского) сформировался Молотов. «Он почувствовал, — пишет Помяловский, — что отделяется от общей массы людей, перестает быть какой-то неопределенной личностью, он находит свое место в обществе и занимает его».

Но место это, в силу исторических обстоятельств, как-то: незрелости освободительного движения в стране, быстрой ликвидации революционной ситуации, наступившей жестокой реакцией, оказалось местом обывателя, жертвовавшего исканиями и порывами своей молодости ради «мещанского счастья» и культурного уюта. Помяловский в своей повести показывает этот путь плебея. Устами того же Молотова в беседе с Надей Дороговой автор с грустью констатирует провал мечтаний героя о широкой общественной борьбе: отказ «от побуждений иных, высших» и примирение на «благонравной чичиковщине»: «Выделился я из народа и потерялся. Натура звала на какое-то другое дело; во мне было пылкое желание определить себя, оты-

скать свою дорогу, самостоятельно выбрать род жизни и ничего не мог я сделать — судьба насильно надела на меня мундир чиновника и осудила на архивную карьеру».

Существенно важно, что писатель не считает достигнутое положение Молотовым идеалом; напротив, он показывает его как печальный итог, как крах, к которому приводит окружающая жизнь. В повести проведена отчетливо мысль о том, что Молотов не удовлетворен «благочестивым приобретением» и комфортом жизни, на что в свое время указывал и Писарев. Молотов понимал, что есть другие общественные условия жизни, но создать их он бессилён. Еще менее удовлетворен положением героя сам автор. «Эх, господа, что-то скучно».

Череванин — мрачный отщепенец, неспособный удовлетвориться ни прозябанием и примирением Молотова, ни процветанием Негодяшева (подр. см. о нем далее), но в то же время не умеющий стать на путь революционной борьбы и бесплодно растрачивающий силы. Но он также носитель демократических настроений, резко враждебных самодержавно-дворянскому строю.

В незаконченном романе «Брат и сестра» (1862) Помяловский нарисовал образ Потесина, плебея по воспитанию, тогда как Молотов был плебеем и по рождению. «Потесин был барской крови, но закал души его был мужицкий»³⁶. Писателя занимала здесь сложная задача, показать, как слагался этот плебей в условиях тогдашней жизни: «В детских годах героя должно показать те влияния, которые создали в его характере честные стремления. Как на своей шкуре, так и на родных, он должен был почувствовать весь гнет окружающей его обстановки. Любя старуху-няньку Прасковью, кривоглазую девку, слушая сказки и песни народа, играя с мальчишками в разные игры, он полюбил народ и тогда уже у него стал складываться особый взгляд на мужика, — он понимал его. Он видел предрассудки и суеверия, бездельную бедность и пьянство, замкнутость и глубоко сокрытое в душе ожесточение, но понимал, что первые истекают из положения мужика: ни от кого нет ему защиты, и простолюдин обращается поневоле к разным домовым и лешим; что его никто ничему не учил, и вот он потешается Милитрисой Кирбитьевной; что в вине он топит свое горе. Эта среда переделала натуру Потесина в мужичью; она, по своей сущности, и осталась мужичьей. Он даже разделял тяжелый труд народа... Но он был поставлен счастливее мужика...»³⁷. Помяловский к этому прибавляет, что в городе «особенное влияние на него имело семейство политического преступника, который был сослан в рудники»³⁸.

В выделенном из этого романа очерке «Андрей Федорович Чебанов» (1862) Помяловский вывел учителя Лесникова, «мещанского происхождения, прошедшего огонь и воду и исходившего почти всю Русь пешком». Лесников по убеждениям «был не то, чтобы славянофил, а чересчур верил в народные силы и, будучи сам мужицкий сын, верил именно в мужика. Поэтому между учителем и учеником (Андреем Федоровичем Чебановым, отпрыском дворянства, «обладателем» огромных поместий и земель») возникла рознь. Любопытные диалоги на тему о мужике, происходившие между учителем-плебеем и учеником: «Если Андрюша ссылался на бедность, неопрятность и невежество русского простолюдина, учитель... прямо ему говорил, что мужик наш оттого беден, что он крепостной. И во всем так. Мы сказали, что Лесников не был славянофилом, но он всегда отстаивал перед учеником народ»³⁹. Лесников «много принес пользы Андрюше». Не то было с Потесиним. Оказалось, что его взгляды нельзя было привить ни в своей семье, ни в «высшем кругу», где он вращался благодаря связям своего дяди. «Проповедывать им (родным) свои убеждения — значило бы даром терять время, подтягивать им — значило бы лгать, но он умел как-то пройти между этими двумя край-

ностями, плутовски изворачиваясь. Также он вел себя и в высшем кругу». В итоге «прожив положительно несчастно день за днем всю жизнь, сознавая, что она была честна, но бесплодна, в страшной предсмертной тоске Потесин глубоко клянет свою долю».

Этот герой был выше среды, он опережал ее, но он не находил в себе сил бороться с окружающим миром. Он не умел найти ту силу, опираясь на которую мог бы выступить в бой за свои убеждения. Умирая, он «повторил брату те же мрачные, болезненно-дикие уроки, что одною прямою честностью, одними обличениями в обществе ничего не поделаешь, что лбом стены не пробьешь»⁴⁰. В этих словах ясно сквозит мысль о необходимости революционного действия; обличение недостаточно. Пусть Помяловский не вошел в стан революционных борцов; в своих образах Потесина и Лесникова он отразил в известном смысле идеи революции, показал тех борцов-плебеев, которые были преданы революционной крестьянской демократии.

Одновременно с тем Помяловский разоблачал либерализм. В образе Негодящева (повесть «Мещанское счастье», 1861) он изобличил карьериста, слугу господствующих классов. Это делец-служака — превратившийся из либерально-настроенного студента. Не менее интересны страницы в незаконченном романе «Брат и сестра» (1862), посвященные изобличению либеральных помещиков, которые «делают реформы в буквальном смысле, то есть усваивают новые формы жизни, а дух ее остается прежний»⁴¹. Он показывает, какая крутая перемена совершилась в психологии и взглядах либеральной помещичьей семьи, после того как она лишилась усадьбы и крепостных. «Это было прекраснейшее семейство, когда оно владело поместьем; мужики не могли нахвалиться ими; но теперь оно далеко не то, что было прежде. Будучи господами, они проповедывали равенство, и многие соседи были недовольны ими за то, что они позволяли себе короткое сближение с народом и очень доброе отношение к нему. Они были либералы. Но когда пришлось разделить судьбу одного из бедных классов, они возненавидели этот класс и прокляли свои демократические замашки»⁴².

Помяловский уделил еще немало внимания проблеме воспитания новых людей. В 60-е годы этот вопрос обсуждался широко и ставился почти всеми органами тогдашней печати (не исключая и консервативной) в смысле изменения дореформенной школы. Понятно, что революционная демократия отвергала всю систему старой школы и ее устои. Она требовала коренного переустройства. Но старая школа была еще жива; обреченная историей на слом, она продолжала калечить юное поколение. Помяловский взял на себя задачу показать тогдашнему обществу один, особенно отсталый, угол в школьной системе, — это бурсу. По меткому сравнению Писарева, бурса готовила население для каторги и бурса была тяжелее тогдашней тюрьмы; в последней тяжелый физический труд был осмыслен, имел всегда какую-либо цель. В бурсе вся организация жизни и учеба, основанная на порке и долбне, «ужасающей и мертвящей», превратилась в сплошную и мучительную пытку, убивающую волю и мысль и человеческое достоинство бурсака. Напечатанные в 1862—1863 гг. «Очерки бурсы» Помяловского, по словам свидетеля А. М. Скабичевского, «произвели впечатление бомбы, внезапно упавшей среди смятенной толпы»⁴³.

Раскрывая такой очаг ужасов в школе, «Очерки бурсы» оказались ударом в набатный колокол. Давая несокрушимое оружие в руки реформаторов русской жизни, борющихся за свободу личности от крепостнических предрассудков, «Очерки» оказались жестоким бичующим политическим памфлетом, направленным по адресу одного из столпов тогдашнего строя — церкви. Тогдашняя цензура приняла меры и удалила из «Очерков» страницы, в корне разоблачающие негодность системы воспитания в бурсе даже с точки зрения задач правительственно-церковной реакции. Цензура вычеркнула страницы,

на которых писатель-демократ имел смелость говорить о бурсаках «материалистической натуры», о своем понимании атеизма, как «формы развития», т. е. известной степени культурного развития, о Фейербахе и переведенной на русский язык его книги, имени которого не мог упомянуть Чернышевский в первом издании «Эстетических отношений искусства к действительности», и насмешливо-циническом отношении бурсаков к церковно-обрядовой стороне религии. Приведем здесь рассуждение Помяловского о полнейшем крахе бурсацкого воспитания: «Бурсацкая религиозность — знаете ли, чем она окажется в большинстве случаев? — Она окажется полным абсолютным атеизмом... Мы думаем, что бурсацкое начальство постепенно незаметно, однако, самым радикальным путем направляет миросозерцание своих учеников к полному атеизму... При дальнейшем развитии большинство бурсаков, чуя человеческим чутьем негодность своей науки, делается вполне равнодушно к той вере, за которую так долго и так жестоко секли их». Это одна категория надломленных, разочарованных в своем деле людей.

Но есть и другая, худшая категория. В запрещенном цензурой отрывке Помяловский характеризует эту категорию так: «Бурса из умных учеников своих создает еще ряд людей, которые, ставши атеистами, прикрывают свое неверие священнической рясой. Вот эти господа бывают существами отвратительными — они до глубины души проникаются смрадной ложью... Эти... атеисты развивают эгоизм — источник деятельности всякого атеиста, но который у хороших атеистов является прекрасным качеством, а у этих, оскверняясь в их душе, становится гнусным»⁴⁴.

Помяловский, как видим, был знаком с материализмом Фейербаха, усвоил и убеждение просветителей 60-х годов о разумном эгоизме, как двигателе человеческой деятельности, вел борьбу средствами литературы за нового человека эпохи, деятеля и борца демократической складки и материалистически-атеистической убежденности.

В связи с этим существенно важно рассмотреть созданные Помяловским женские образы и вопрос об эмансипации женщин, как решал его Помяловский. В «Мещанском счастье» он поставил этот вопрос в общей принципиальной широте, доступной для того времени. «Ныне многие стремятся восстановить права женщины, дать ей воспитание полное, как и мужчине, свободу в выборе мужа, в выборе занятий, участие не только в семейной, но и в гражданской жизни, личную независимость; хотят восстановить права женщины, которые не должны быть меньше прав мужчины. Понимаете? Это и называется эмансипациею».

Борьба за свободу женщины в 60-е годы конкретно протекала как разрушение устоев домостроевских порядков в семье. Помяловский в повести «Молотов» показал такую сложившуюся семью, где судьба девушки решалась властью родителей, и где, пережив серьезную драму и стойко перенеся ее, Надя одержала победу. Надя Дорогова яркий положительный и жизнеспособный тип в галлерее женских образов, созданных русской литературой XIX ст. Но этот тип почему-то мало освещен критикой. Большую популярность в широких массах приобрел образ «бедного кисейного создания», тип кисейной барышни, выведенной Помяловским в лице Леночки Илличовой в повести «Мещанское счастье».

Тип «кисейной девушки», нарисованный с симпатией художником, дан как собирательный тип девушки, обреченной условиями тогдашней жизни на косность, бесцветное прозябание: «Никому мы не нужны... кому любить таких».

В творчестве Помяловского (в образах, в конкретной обстановке, даваемой в повестях, в описаниях природы, в приемах изображения, в образительно-языковых средствах) легко увидеть и точно установить не только намерение, но и прямое противопоставление и противодействие писателя-

демократа дворянской литературе. У Помяловского, как ни у кого из беллетристов, демократов 60-х годов, находим яркие суждения о характере дворянской литературы и заявления о своих замыслах дать иную литературу. Надя Дорогова в повести «Молотов» от имени автора так говорит о дворянской литературе: «Там все помещики — и герой помещик, и поэт помещик... Барина описывают с заметной к нему любовью», хотя бы он был дрянной человек... притом барин всегда на первом плане, а чиновники, попадьи, учителя, купцы всегда выходят негодными людьми, безобразными личностями, играют унизительную роль... Пусть безобразна среда, в которой родилась я, все же она не совсем мертвая... Так или иначе, а надо искать добрую сторону в своих людях».

Помяловский в той же повести указал на различие характера демократического романа от дворянского. Череванин говорит Наде Дороговой, что ее роман с Молотовым не будет похож на классический роман: «В трагедиях участвуют боги, царь и герои, а вы чиновник и чиновница; поэтому и роман ваш будет мирный, без классических принадлежностей, без яду, бешеной борьбы, проклятий и дуэлей. Ваше положение уже таково, что ничего грандиозного не должно случиться. В монастырь вы не пойдете, из окна не броситесь, к Молотову не убежите и не обвенчаетесь с ним тайно — все это принадлежность высоких драм. У вас выйдет простенький роман, с веселыми пейзажами вместо трагических событий». Исследователи видят здесь намеки на героев тургеневских романов — Лизу Калитину из «Дворянского гнезда», которая ушла в монастырь; на Елену Стахову, обвенчавшуюся тайно с любимым человеком.

Помяловский задумывал некоторые образы как явные пародии тургеневских образов. Сестру Потесина в незаконченном романе «Брат и сестра» (1862) он предполагал изобразить как «Пигасова в юбке». Другую героиню Таню в романе «Брат и сестра» (1862) он также хотел дать в полемическо-критическом ракурсе: «Здесь мы должны изобразить тип женщины, на которую с одной стороны намекнул Гончаров в своей Софье Николаевне, с другой — Тургенев в Одинцовой. Мы этот тип выведем на чистоту — дело-то лучше будет».

Но и не имея авторских заявлений писателя, исследователь в праве посмотреть на образы Помяловского, как антитезы образов дворянской литературы. Очень ценна на наш взгляд для изучения Помяловского в этом направлении брошенная мимоходом мысль М. Горького, что Череванин это — анти-Базаров. «Герой Помяловского, Череванин, — писал в 1930 г. М. Горький, — «нигилист», рожденный в один год с Базаровым Тургенева, но гораздо более «совершенный» нигилист, чем Базаров»⁴⁵. Эта мысль до сих пор не подхвачена и не воплощена в специальное исследование.

В пародийном, антитургеневском плане дана родословная Дороговых. Дороговы не дворяне, не помещики, и пародия «родословной» была явно подчеркнутой. «По мужской линии род Дороговых восходит до времен Анны Ивановны... так что лет через тысячу будет очень древний... Прадед Дорогова был придворным конюхом, служил под начальством Волинского, который однажды пожаловал его сотней рублей, в другой раз — шубой, а однажды ни за что отодрал кошками».

Изучение Помяловского с этой стороны повысит значение творчества этого писателя, покажет большую содержательность его, как полемиста и борца с крупными писателями либерально-дворянского крыла литературы. На очереди стоит изучение таких образов, которыми Помяловский оспаривает правду изображения у Тургенева, у Гончарова.

К сожалению, наша критика и история литературы недостаточно хорошо разобралась в творчестве Помяловского в целом. До сих пор почему-то некоторые критики принимают во внимание только образы Молотова и ки-

сейной девушки и на этом основании утверждают, что Помяловский не сумел показать тип передового борца-революционера, подобно Лопухову (в «Что делать?»), что Помяловский-де ограничился показом относительно узкого круга городского мещанства и мелкого чиновничества. Но эти критики совершенно упускают из внимания, что Помяловский уловил процессы, происходившие в толще широких народных масс, что он сумел возвыситься до отражения демократических настроений, до показа и критики существующего с точки зрения демократических низов, что он сумел выразить плебейско-демократическую злобу против господствующих классов. Упускают из внимания эти критики, что развитие Помяловского шло совершенно определенно в направлении Чернышевского; что он поднимался в литературе к позициям Чернышевского. Образы Потесина — человека с «мужичьей натурой» и Лесникова — демократа, который «верил именно в мужика», тому порукой; образы задуманы незадолго перед смертью писателя. Не виноват художник-реалист в том, что оба героя не сделали многого, что он не сблизил их с революцией. Но тенденция развития этого художника-реалиста вела к признанию революционной борьбы. Намеки на это мы выше показали при анализе образа Потесина.

Нам кажется, есть все основания Помяловского причислить к группе демократов-чернышевцев и начать изучение его творчества с таких сторон, которые обнаруживают наиболее полное раскрытие его плебейско-демократической сущности.

Эволюция взглядов Помяловского шла все время в плане демократизма. Упреки по адресу Помяловского, что его интересовали заботы о личном преуспевании героев, неосновательны; подобные упреки говорят о близорукости критиков. Равным образом, нельзя обвинять Помяловского за то, что Потесин считал бесплодным распространять в своей среде революционизирующие взгляды. Не было подходящих условий, — он видел это и молчал. Это уравновешенное здоровое отношение писателя к окружающим условиям несколько не должно закрывать от нас то, что писателю известна была другая, — революционная возможность. Эти рассуждения приоткрывают скрытую за ними мысль об иной более благоприятной для революции обстановке, и в такой обстановке есть смысл начать борьбу с окружающей средой. Помяловский, как подлинный художник-реалист, не мог выдумывать; он отображал процессы так, как он их видел в подлинной действительности. Иное дело, что он не видел героев и деятелей революции. Но занимавшую его сознание проблему формирования рядового плебея он развивал, как подлинный демократ.

Процесс развития плебея от Молотова (1861) до Потесина и Лесникова (1862) шел вперед; в год нарастания революции Помяловский создал образ Лесникова, плебея-демократа, живущего интересами народа. Последний этап в создании образа плебея-демократа оборван был смертью писателя. Но тенденция его развития неоспоримо демократическая. Эта-то сущность и поднимала Помяловского на смелые попытки разоблачения фальши либерально-дворянского реализма. Недаром Чернышевский, сдержанный на похвалы, писал по поводу его преждевременной смерти, как о невознаградимой утрате: «Я любил радоваться на сильнейшего из нынешних прозаиков, как Г. Помяловского. Это был человек гоголевской и лермонтовской силы. Его потеря — великая потеря для русской поэзии, страшная, промадная потеря».

IX

Восприятие творчества Ф. М. Решетникова (1841—1871) заслонено было до последнего времени либерально-народнической легендой. Легенда эта развенчивала его как художника и как мыслителя, отразившего точку зре-

ния на мир рабочего класса. Решетников ценен также и тем, что он расширил тематику беллетристики 60-х годов, введя в свои романы не только обездоленные массы деревни, но жизнь и быт рабочего ранней поры; он стилизно, как чуткий художник, явился выразителем настроений и стремлений рабочей массы, на заре ее формирования в класс в исторических условиях эпохи 60-х годов. Но все это новаторство Решетникова не укладывалось в рамки народнического мировоззрения и вызывало протест со стороны народнической критики.

Дискуссия о Решетникове, начавшись позднее, чем споры о Н. Успенском, приковала на долгое время внимание критиков.

В критических столкновениях, происшедших в 60—70-х годах, по вопросу о понимании и значении творчества Решетникова, обнажился глубокий классовый антагонизм, резкий политический конфликт, выросший к этому времени между представителями интересов буржуазно-дворянского либерализма и помещичьей реакции, с одной стороны, и выразителями взглядов крестьянской демократии — с другой. Через голову этого писателя критики разных лагерей высказывали свои идеалы общественного переустройства. Так, идеолог российского либерализма в критике и публицистике «Вестника Европы» Евг. Утин заявил о необходимости постепенных, либеральных реформ. Представитель мещанского радикализма А. М. Скабичевский заговорил о массах, как о «пестрой безличной толпе».

Для представителей подлинно-революционной демократии тех лет М. Е. Салтыкова-Щедрина⁴⁶ и Н. В. Шелгунова⁴⁷ творчество Решетникова послужило материалом для опровержения сетований правого лагеря на оскудение литературы⁴⁸. В последней своей статье (1871) Н. В. Шелгунов сделал решительную попытку выдвинуть Решетникова как реалиста-демократа и противопоставить его как зачинателя новой демократической литературы старому барскому искусству. «Отношение писателей (Тургенева, Гончарова и др.), — говорит Шелгунов, — к простому человеку было отношение художественное; в мужике видели новый литературный материал, материал модный, попавший в запрос. Мужики под пером дилетантствующих литературных идеалистов превратились в дворян в зипунах, а бабы — в барышень-крестьянок и горничных барских домов. Только с освобождением крестьян народный реализм стал на ноги, когда писателями выступали те, кто мог говорить о себе и за себя, а не за других, как это было до тех пор.

Решетников становится на новую почву обеими ногами и искренно. По богатству и характеру материала, который затрагивает и дает Решетников, — он первый на этом пути»⁴⁹.

Народническая «легенда» о Решетникове была представлена в двух вариантах; один был разработан А. М. Скабичевским, представителем правого мещанского народничества, в духе эстетско-лавристского понимания литературы и другой — П. Н. Ткачевым, представителем левого крыла народничества. У Скабичевского наряду с похвалами Решетникову, как писателю реалисту, высказано порицание художественному методу его: «Подлиповцы, — эстетски заявлял Скабичевский, — не повесть, не рассказ, а в полном смысле протокол». П. Н. Ткачев развил в статьях об этом реалисте свою бланкистскую теорию о примате революционного меньшинства⁵⁰.

Третий вариант оценки Решетникова был дан не присяжным критиком, а писателем Тургеневым.

И. С. Тургенев в своих воспоминаниях о Белинском (1868), сводя счеты через Белинского с Некрасовым и другими деятелями революционно-демократического лагеря в литературе, отзывался с похвалой о художественном таланте Решетникова. «Как бы порадовался Белинский поэтическому дару Л. Толстого, — писал Тургенев, — силе Островского, юмору Писемского, сатире Салтыкова, трезвой правде Решетникова». Было бы наивностью, одна-

ко, счесть отзыв либерала полным признанием творчества демократа. Лестное сопоставление Решетникова с Л. Толстым умеряется более откровенным суждением Тургенева в письме к Я. П. Полонскому от 2 января 1868 г. «Способности нельзя отрицать во всех этих Слепцовых, Решетниковых, Успенских и т. д., но где же вымысел, сила, воображение, выдумка где? Они ничего выдумать не могут — и, пожалуй, даже радуются тому: этак мы, полагают они, ближе к правде. Правда — воздух, без которого дышать нельзя; но художество — растение, иногда даже довольно причудливое, которое зреет и развивается в этом воздухе. А эти господа — бессемянники, и посеять ничего не могут»⁵¹.

Резкость тона последнего выражения Тургенева приоткрывает завесу над смыслом и значением слов его о «трезвой правде» Решетникова. После этого понятным становится та решительная отповедь, какую дал Тургеневу критик органа, руководимого группой участников революционного движения — журнала «Библиограф» после появления его воспоминаний. Именно за Решетникова вступился этот автор (Н. Александров).

Дав высокую оценку творчеству этого писателя, критик «Библиографа» в противовес «пустозвонкой критике» Скабичевского и Утина квалифицировал, как высоко художественное, творчество Решетникова, выразившего «голую правду о народе, в безукоризненно-удачной форме»⁵². Н. Александров подчеркнул понятие «голой правды» и явно противопоставил свою оценку отзыву Тургенева о трезвой правде Решетникова. В эпитетах (трезвая и голая правда) для современников был заложен определенный смысл; журнал революционной группы обнажил замаскированный, скрытый смысл отзыва либерального писателя.

Имеется еще отзыв Достоевского о Решетникове. Почвенник Достоевский противопоставляет Решетникова Тургеневу и всей помещичьей литературе, как представителя того нового течения в литературе, которое имеет тенденцию устранить «помещичью» литературу. Достоевский уловил антагонизм литературных направлений помещичьей и «не-помещичьей» литературы и увидел зародыш, правда, слабый, незрелый в Решетникове нового. В письме к Н. Н. Страхову в мае 1871 г. по поводу статьи Страхова о Тургеневе Достоевский высказал такую мысль: «А знаете ведь это (т. е. Тургенев, Л. Толстой и др.) все помещичья литература. Она сказала все, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого). Но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье, еще не было, да и некогда. Решетниковы ничего не сказали. Но все-таки Решетниковы выражают мысль необходимости чего-то нового в художественном слове уже не помещичьего, хотя и выражают в безобразном виде».

Мы не будем здесь вскрывать ту конкретную обстановку, в какой содалась, выросла и развилась в непримиримую ненависть к Тургеневу вражда к нему Достоевского, что до известной степени усилило стремление Достоевского отграничить себя от помещичьей литературы и противопоставить ей новые литературные побег, полные жизни и интереса к ней. Но ни таланта художника, ни силы мыслителя в Решетникове реакционный почвенник Достоевский не признавал, он только сдержанно указал на пробы нового социального содержания в творчестве Решетникова. Напротив, ошибочно и тенденциозно утверждение Достоевского о «безобразном виде» творений Решетникова.

В идейном споре Достоевского с Тургеневым Решетников сыграл роль водораздела; но социальное несродство продиктовало почвеннику отрицание большого мастерства у Решетникова, помешало объективно оценить его. Это не были «союзники». Решетников в качестве оселка пригодился Достоевскому, чтобы разглядеть, какая идет новая сила, устраняющая помещичью литературу.

Творчество Решетникова уходило корнями в почву глубокого демократизма. В письме к Некрасову по поводу повести «Подлиповцы» Решетников высказал глубокого смысла признание: «Зная хорошо жизнь этих бедняков (т. е. бурлаков), потому что я двадцать лет провел на берегу реки Камы, по которой весной мимо Перми плывут тысячи барок и идут тысячи тысяч бурлаков, я задумал написать бурлацкую жизнь, с целью хоть сколько-нибудь помочь этим бедным труженикам. Я не думаю, чтобы цензура нашла что-нибудь в этом очерке невозможное для пропуска; по-моему написать все это иначе — значит говорить против совести, написать ложь... Наша литература должна говорить правду... Вы не поверите, я даже плакал, когда передо мной очерчивался образ Пилы во время его мучений».

Бурлак — это классовая категория, это «самый старый образчик эксплуатируемого рабочего в России» (М. Н. Покровский). От бурлаков «Подлиповцев» прямая линия к последующим романам Решетникова, посвященным заводским пролетариям, литейщикам, кузнецам, ремесленникам, плотовщикам — «Глумовы» (1866), «Горнорабочие» (1866), «Где лучше» (1868).

Решетников, разумеется, касался и крестьянства; он изображал мелкое чиновничество, захоластное мещанство, обитателей подвалов, жизнь столичной гольтубы. В ту эпоху рабочий далеко еще не выделился из общей массы трудящегося и эксплуатируемого населения в стране.

Два слова к характеристике того исторического момента, когда писал этот ранний пролетарский художник. «Патриархальная деревня,— говорил Ленин в статье о Толстом,— вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску... Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно, державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой... Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому» труду разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность». В связи с ростом и развитием промышленности развивался и пролетариат. В произведениях Решетникова и освещена жизнь рабочих в 60-е годы, т. е. в ту раннюю пору, когда пролетариат еще был связан с крепостной деревней и только начал обособляться в класс, отличный от других. Эти-то сложные процессы социально-политического характера — процессы образования и роста пролетариата, зари его идейного пробуждения, и нашли отражение в творчестве Решетникова.

Эпигон либерально-народнической критики, проф. С. А. Венгеров расценивал творчество Решетникова, как узко-этнографический очерк, лишенный конкретно-исторических черт, и выражал недоумение по поводу того, как «усмотрели в действительно этнографическом очерке быта дикарей не русского происхождения изображение жизни русского крестьянства. Подлиповцы, жители деревни Подлипной — «пермяки, т. е. язычники-инородцы монгольского племени... подлиповцы совершенно в той же степени могут пригодиться для изучения быта русского народа, сколько папуасы, с которыми они стоят на одном уровне культуры»⁵³.

Как бы предвидя такое возражение, высказанное почти 50 лет спустя после появления «Подлиповцев» (1864), Решетников в цитированном письме к Некрасову указал: «Таких людей, как подлиповцы, в настоящее время [т. е. в 1862—1865 гг. — Н. Б.] еще очень много не только в Чердынском уезде Пермской губернии, местности самой глухой и дикой, но и в смежных с нею — Вятской, Вологодской, Архангельской. Зная хорошо жизнь этих бедняков, потому что я двадцать лет провел на берегу Камы...» В этом заявлении писателя содержится социально-исторический комментарий, разрушающий ложное обвинение либерала по адресу писателя-реалиста.

Тот же историк литературы дал также полное выражение либерально-народнической точки зрения на Решетникова. «Подлиповцы», — писал он, — были первым и последним произведением Решетникова, которое произвело впечатление. И в них притом произвела впечатление только первая часть, посвященная изображению более животной, чем человеческой жизни в Подлипной. Вторая часть, посвященная похождениям Пилы и Сысойка в качестве бурлаков... не привлекла внимания читателя 60-х годов с его чуткостью ко всякому страданию»⁵⁴.

Картины бедноты и забитости крестьянства трогали читателя и критика-народника; судьба же, страдания и гибель пауперизованных эксплуатируемых рабочих-бурлаков не вызывали интереса. Это вполне понятно и закономерно для народнических кругов. Тем не менее Решетников одним из первых показал в литературе жизнь рабочего класса: бурлаков (во второй части «Подлиповцев»), горнорабочих («Горнорабочие»), заводских («Глумовы», «Где лучше»).

Какими же идейными настроениями проникнуты романы Решетникова о рабочих «первой волны». Стремление этой массы к лучшей жизни — таково содержание творчества Решетникова. Его герои — бедняки — ищут «богатства» и мечтают иметь «много хлеба». Проблема бедных, обездоленных людей занимает внимание писателя-демократа. Какие сильные слова нашел он для защиты бурлаков? «Есть люди, которые называют бурлаков самыми последними, бросовыми людьми. Есть даже и такие, которые называют их негодьями, вредными. Но они ошибаются: бурлаки только люди необразованные, грубые, самые бедные люди. Ведь у бурлаков только и есть, что на нем надето, да что он съедает... И для этого он трудится больше, нежели другой» («Подлиповцы»).

Автор ясно представляет себе смысл совершающегося. В словах Решетникова: «Поплывайте, добры молодцы, за богатством. Не знаете вы, что богатство-то вы сами спроваживаете: барки-то полны, да не для вас все это», — высказана правильная точка зрения на тех, кто эксплуатирует и кого эксплуатируют. Резкое противопоставление несчастных и бедных богатым и счастливым пронизывает его романы.

«Бедный человек и его горе», устройство положения его, стремление к богатству — «богатому везде хорошо, а бедному везде плохо» — в чем же социальный смысл этих требований оформлявшегося класса рабочих труженников?

Историк И. Ипнатов решительно утверждал, что это — идеал мещанский. «Стремлением к тишине, к спокойной, хотя бы обеспеченной жизни, к существованию мирному, без злости, без унижений, без постоянной озабоченности, желанием своего очага проникнуты его (Решетникова) произведения. За этими желаниями скрывается уравновешенная натура, надорванная и надломленная массой особенно тяжелых обстоятельств. Его героям хочется счастья, тихого «мещанского счастья», и в описании действующих лиц Решетников никогда не доходит до противопоставления их обществу, до вызова». Последнее неверно. Как покажем дальше, Решетников возвысился до показа борьбы пролетариата за свои интересы. Неверна и оценка, данная Ипнатовым «стремлению героев» к счастью. Она ошибочна, в силу того, что ею не учитывается классовой носитель (пролетариат) этого настроения и исторический момент в положении пролетариата. Одно дело — стремление к личному устройству купца, — оно корыстно и ограничено. Другое дело — такое же стремление пролетариата. Первое развертывается в капиталистическое хищничество, второе постепенно, диалектически превращается в стремление к переустройству жизни всего общества. «Немудреная философия» героев Решетникова объясняется тем, что они, по выражению Е. Соловьева-Андреевича, «люди первой волны».

В современной литературе мы находим попытки дать эволюцию тематики романов Решетникова. С этой задачей наши критики до известной степени справляются. Возьмем, например, освещение этой стороны у Л. Шептаева: «Его (Решетникова) романы — это удачные попытки углубиться в картину жизни [sic! — Н. Б.] социальных низов и присмотреться к другим группам рабочего класса. Особенно ценно здесь внимание Решетникова к посессионным крестьянам горных заводов Урала. Романы «Горнорабочие» и «Глумовы» задуманы как единое целое, и содержат материал горнозаводской жизни. Правда, во втором романе автор больше останавливается на семейном быте рабочего, чем на картинах этого тяжелого труда. Однако, это первые в русской литературе страницы в этом роде... В романе «Свой хлеб» мы видим уже отход [sic! — Н. Б.] Решетникова от горнозаводских тем и большое внимание к проблеме безработицы послереформенной деревни и посессионных заводов. Его герои уходят из Приуралья скитаться и движутся по направлению к Петербургу. Здесь [sic! — Н. Б.] находит свое художественное выражение быт этой безработной чернорабочей массы, которая не менее двух указанных категорий русских рабочих была значительна»⁵⁵.

Эта трактовка основной идеи романа «Свой хлеб» выпячивает бытовой момент, но в романе эта сторона увязана с более широкими социально-политическими условиями жизни рабочих того времени. Кроме того, вовсе не поставлен до сих пор в критической литературе вопрос об идейной эволюции автора, о росте социально-политического сознания масс и автора, романы которого дают богатый материал для освещения этой важной проблемы. В первом напечатанном очерке «Горнозаводские люди» (1865) Решетников, показав выросшее в массах посессионных рабочих сомнение в благах проводимой царским правительством реформы освобождения, как художник не мог скрыть и присутствующего массам патриотизма. «Дождались мы и матушки-воли, и шабаш..., а когда нам растолковали, что еще два года остается прежний труд, мы долго не могли понять: зачем еще два года?». Иронически далее изображает писатель восхваление царя-освободителя: «Работал ты, били тебя, драли, как сидорову козу, и вдруг ты вольный, хоть в купцы ступай. Эх, диво! Эко счастье, эва куда пошло!.. Да мы, братец-ты мой, хороший человек... целую неделю, как прочитали положение, из кабаков не выходили, а дома все батюшку-царя родного благодарили. На что наши жены — дуры и те себе по обновке купили да по гривенной свечке за царя поставили в церкви... Ой да батюшка-царь, большое тебе спасибо, не ты бы, голубчик, так поедом нас и заели». Он уловил инстинктивную ненависть трудящихся масс к эксплуататорам. В «Подлиповцах» прорывался протест бурлаков; в заводских рабочих постоянно горел гнев по адресу угнетателей: «Все они от пятилетнего ребенка до последней минуты ненавидели всякого начальника». Но поднявшись до возмущения против угнетателей, эти массы не дошли до сознательной и последовательной борьбы. Только в романе «Где лучше» (1868) писатель изобразил попытки рабочих путем стачечной борьбы отстаивать лучшие условия труда; показал и тип рабочего организатора Игнатия. Но эта «незрелость» политической активности рабочих объясняется историческими условиями.

В заслугу Решетникову, как подлинному художнику-реалисту, надо поставить столь строгую историческую точность в отображении настроений масс, сочетавших ростки новых революционных убеждений с вековыми предрассудками в ту эпоху. Как реалист Решетников видел много такого, что только последующие события раскрыли как непреложный факт.

Решетников питал глубокую ненависть к дворянству, к барской культуре и дворянскому либеральничанью. В повести «Скрипач» он вывел на

показ ничтожество дворянина Тумского, на словах бунтаря в интересах рабочих, на деле — безвольного труса. И. И. Векслер приводит ряд весьма ценных записей Решетникова, где писатель высказывается и о дворянском либерализме. «Этот «барин» — корчит из себя либерала и душою хочет сделать добро бедным людям, на деле не умеет сойтись с крестьянами, будет тянуть на сторону помещика»⁵⁶, — так характеризует писатель-демократ помещика Кройнского.

Несколько слов о форме произведений Решетникова. По своим литературным вкусам, этот писатель был ригорист. «Я на красоту смотрю, как на приманку и всегда вопию, как против красоты, так и против всяких украшений». На упреки, что он мало заботится о художественности, об отделке своих произведений, Решетников отвечал: «Это правда. Если бы я имел средства жить в отдельной комнате, не забирать вперед денег, я писал бы гораздо спокойнее и лучше». Но исследователи не могут отрицать сильной драматизации в произведениях Решетникова, особого умения владеть стилем «летописно-ровного повествования о множестве самых мелких, повседневных явлений быта, и тут же рядом, тем же ровным тоном протокола — о бесчеловечных ужасах пролетарской судьбы». Вот пример такого метода Решетникова в романе «Горнозаводские люди». Полесовщик спокойно рассказывает о своей свадьбе и также просто говорит о своем истязании: «На свадьбе моей весело было. А на другой день после свадьбы меня выстегали».

Говорят критики о мрачности красок, о натурализме картин и своеобразном упрощении Решетниковым действительности, об ограниченности показа им рабочих и т. п., но, к сожалению, дальше вкусовых, поспешных наблюдений и поверхностных утверждений в этом вопросе наша критика не пошла. Творчество Решетникова ждет серьезного изучения.

X

Наиболее существенным звеном в потоке революционно-демократической литературы была беллетристика Н. Г. Чернышевского. Преимущественное внимание уделим роману «Что делать?» (1863). Чернышевский написал его в каземате рavelина, когда реакция вырвала у него из рук перо публициста и полемиста. Брошенный в крепость, великий революционер не сложил рук и средствами художественной литературы выразил многое из того, что в цензурных условиях того времени едва ли бы удалось ему доказать в публицистических статьях. Роман появился в печати («Современник», 1863 г., кн. 3—5) по оплошности цензуры.

Роман Чернышевского посвящен революции, изображению ее деятелей, новых людей и будущей жизни в коммунистическом обществе.

Роман «Что делать?» — программный, социально-политический роман. Идеями революции и социализма этот роман покорял современников. Об этом мы имеем красноречивое свидетельство А. М. Скабичевского. Последний рассказывает, как до появления романа в печати эстеты и консерваторы, посетители салона поэта Майкова «хихикали и радостно потирали руки в предвкушении падения идола молодежи с его высокого пьедестала», но каково же было удивление, когда роман произвел потрясающее впечатление именно своей политической стороной: «Я нимало не преувеличу, — писал А. М. Скабичевский, — когда скажу, что мы читали роман чуть не коленопреклоненно, с таким благочестием, какое не допускает ни малейшей улыбки на устах, с каким читают богослужебные книги. Влияние романа было колоссально на все наше общество. Он сыграл великую роль в русской жизни, всю передовую интеллигенцию направив на путь социализма, низве-

дя его из заоблачных мечтаний к современной злобе дня, указав на него, как на главную цель, к которой обязан стремиться каждый»⁵⁷.

Роман отвечал на запросы молодого поколения, что надо предпринять для осуществления своих идеалов. Еще Н. А. Добролюбов в своей статье «Когда же придет настоящий день?» отвечал на этот вопрос в том смысле, что не надо болтать, а делать; надо не только заявлять о своей ненависти к произволу и о преданности народу, но и идти на революционные меры. Писарев не разделял таких взглядов Добролюбова и, более скептически настроенный в отношении возможности революции, ослаблял принципиальность ответа Добролюбова. В статье о Базарове Писарев рекомендовал: «Жить пока живется; есть сухой хлеб, когда нет ростбифу; быть с женщинами, когда нельзя любить женщину, и вообще не мечтать об апельсиновых деревьях и пальмах, когда под ногами снеговые сугробы и холодные тундры».

Весьма вероятно, что Чернышевский полемизировал и с Писаревым, зная его совет молодому поколению, Базарову, любимому герою Писарева — противопоставляя Рахметова. Выше мы указывали на признание шестидесятника А. Шипова о том, что молодежь 60-х годов решала по-серьезному вопрос, что делать? Отметим еще сообщение П. Н. Ткачева, который в предисловии к французскому переводу романа «Что делать?» (1880) писал: «Основной вопрос, который обсуждался тогда, в кружках молодых людей, — это вопрос о том, что делать — что делать для того, чтобы освободить страну от подлого политического и экономического деспотизма, который подавлял, уничтожал и разорял ее на глазах цивилизованного мира, — что делать для того, чтобы реализовать в частной и общественной жизни моральные и социальные идеи, запечатленные в сердцах молодежи. Чернышевский в своем романе подошел ко всем этим вопросам...»⁵⁸.

После этого очевидно, что неправы и те критики, которые расценивают «Что делать?» как роман философский, пропагандирующий на языке образов одни только философские воззрения Людвиг Фейербаха.

Фейербахизм входил составной частью в роман; он лежал в основе философского мировоззрения автора и художественного метода изображения типов и характеров. Фейербахизм, как увидим далее, оказал свое влияние, определил некоторые слабые стороны в художественном методе романа. Но для Чернышевского — понимание человеческой природы в духе феербах-хианского антропологизма было подчинено и служило средством для решения вопроса о революционной переделке русской жизни. Не философия, а политика была ведущей в этом романе.

Неправы и те, кто считает основной темой романа вопрос о любви, о новых семейно-бытовых отношениях и «женский вопрос». Все эти вопросы разбираются в романе, но они являются опосредствованными. Еще Плеханов опровергал это мнение: «Ошибочно было бы рассматривать этот роман исключительно только как проповедь разумных отношений в любви. Любовь Веры Павловны к Лопухову и Кирсанову — это только канва, по которой располагаются другие, важные мысли автора. Мы уже говорили об ассоциациях, заведенных Верой Павловной, заставляя ее братья за эту деятельность, автор хочет указать своим последователям на практические задачи социалистов в России. В снах Веры Павловны яркими красками рисуются социалистические идеалы автора»⁵⁹.

Агитационную действенность социально-политической программы «Что делать?» не отвергали и реакционеры, борющиеся с Чернышевским (Цитович, гр. Капнист и др.)⁶⁰.

Не менее спорно воспринималась до сих пор и художественная сторона романа. Ее отвергали в прошлом многие. Д. Н. Овсяннико-Куликовский был уверен, что роман Чернышевского «не художественное произведение, и не

следует искать в нем обобщений и того истолкования действительности, которое дает искусство»⁶¹.

Народнический эпигон В. Е. Чехихин-Ветринский еще больше снижал значение романа: «Испытания времени роман не выдержал ни в какой мере и сейчас может быть прочитан с интересом только как исторический документ своей эпохи, и то читателем, хорошо осведомленным о подробностях ее»⁶². По мнению П. Е. Щеголева, Н. Г. Чернышевский «не был художником»⁶³. Наконец, пролетарский писатель А. Фадеев поставил роман Чернышевского вне литературы: «Произведения некоторых писателей даже восходящих классов (например, «Что делать?» Чернышевского), где непосредственные впечатления от действительности в большей мере подменяются рассуждениями о ней, в такой же мере выходят за пределы искусства»⁶⁴.

В свое время Плеханов пытался смягчить осуждающие роман приговоры и указать на некоторые художественные его достоинства. «Чернышевский сам заявил, что у него совсем нет никакого художественного таланта, и этому поверили слишком охотно. В действительности его роман не лишен некоторых, правда, небольших художественных достоинств; в нем много юмора и наблюдательности; наконец он пропитан таким горячим энтузиазмом к истине, что он до сих пор читается с большим интересом. Нужно много предубеждения, основывающегося на распространенных у нас теперь и в корне ошибочных эстетических теориях, чтобы презрительно пожимать плечами по поводу этого романа, как это делают многие из нынешних даже «передовых читателей»⁶⁵.

В последние годы началась переоценка традиционной точки зрения. П. С. Коган выступил против мнения о нехудожественности, искусственности и фальши «Что делать?»⁶⁶. И. К. Ипполит в своих статьях о романах Чернышевского и Тургенева⁶⁷ без колебаний проводит мысль о высокой художественности романа революционного демократа. Наконец, А. В. Луначарский весьма лестно отозвался о художественном таланте Чернышевского и называл его романы «в высокой степени замечательными произведениями»⁶⁸. Вал. Полянским поставлен вопрос о Чернышевском беллетристе, как зачинателе нового литературного стиля революционной демократии⁶⁹.

Сложнее спор с теми историками литературы, которые, признавая в известной мере художественность в романе «Что делать?», ограничивают степень этого качества. Такова, например, точка зрения на роман А. П. Скафтымова. Последний утверждает: «В романе Чернышевского все дано в логике отвлеченной мысли. Здесь все высказано готовыми рассуждениями и отвлеченной схемой. Имеющиеся блестящие живого художественного выражения настолько погружены в обнаженную теоретичность, что роман перестает быть романом и превращается в публицистическую статью. Вот почему «Что делать?» нельзя рассматривать и судить вместе с произведениями художественными в собственном смысле слова»⁷⁰.

Не будем разбирать всех этих неверных утверждений А. П. Скафтымова, а перейдем к анализу художественной ткани романа. После этого читателю будет ясна вся ошибочность оценки А. П. Скафтымова.

Вопреки мнению о теоретичности романа, «Что делать?» изображает картину светлой и счастливой жизни, жизни будущего человечества на фоне конкретной исторической действительности 60-х годов, в свете борьбы старого мира с новым в разных областях человеческой жизни. В романе проходит галерея лиц, представителей старого и нового мира. Революционный демократ понимал сущность конфликта «отцов» и «детей» глубже, чем либерал Тургенев. Он рисовал это столкновение в более глубоком социальном плане. Защитники «старого» связаны с господствующими классами — барством и народившейся буржуазией. «Новые люди» — демократы, выходцы из социальных низов. Лопухов — мещанин по происхождению; Кирсанов — то-

же. «Оба грудью без связей, без знакомств пролагали себе дорогу». Они — прямая противоположность невежественным, праздным, узко-корыстным людям «старого мира». «Каждый из них — человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уж крепко хватается за него, так что оно не выскользнет из рук: это одна сторона их свойств; с другой стороны — каждый из них человек безукорыстной честности», — говорит Чернышевский.

Наиболее ярко тип передового бойца-революционера воплощен в Рахметове; по происхождению он помещик, но стал на сторону народа, порвал со своим классом, и отдал свое состояние на дело революции. Все эти герои — борцы за дело народа. Они не выдуманы автором, а представляют типические обобщения автором жизненных наблюдений.

Многим из них историки находят прототипы. Много автобиографических черт самого Чернышевского улавливают в Лопухове и Рахметове. Вера Павловна, по неоспариваемому мнению, — синтетический образ, в котором нашли отражения характеры жены романиста Ольги Сократовны Чернышевской и передовой женщины того времени, Марьи Александровны Обручевой, жены известного в свое время врача Петра Ивановича Бокова (1835—1915), а затем — знаменитого физиолога Ивана Михайловича Сеченова (1829—1905). Для Лопухова послужил прототипом еще Боков; а для Кирсанова — Сеченов.

Сложнее вопрос о прототипах для образа Рахметова. Большинство исследователей склоняется к мысли о нескольких прототипах. Называют прототипом известного Бакунина, польского революционера Сераковского, которого вывел Чернышевский под именем Соколовского в «Прологе»; саратовского помещика Бахметева, который вручил Герцену одну часть своего капитала на революционную пропаганду, а с другой частью он направил на Маркизские острова для создания социалистических организаций. Наконец, узнают в Рахметове черты Добролюбова и самого Чернышевского.

Даже личные взаимоотношения живых людей нашли, по мнению исследователей, отражение в интриге романа. История отношений Лопухова-Кирсанова и Веры Павловны воспроизводит реальную историю отношений шестидесятников — Бокова, Сеченова и Марьи Александровны. На основе непосредственных наблюдений Чернышевский создал обобщающие образы, образы глубокого смысла.

В романе отражены не только идейные воззрения, но и весь внутренний мир интимных переживаний людей 60-х годов со всей его непосредственной и волнующей искренностью.

Но мы должны подчеркнуть, что все эти образы, имея прямое соприкосновение с миром реальных людей, воспроизводя мир реальных отношений, представляли собой типическое обобщение того, что в жизни является существенным, важным, «принадлежащим к сущности события»⁷¹, раскрывали своему читателю будущее, предугазывали пути дальнейшего. Они направляли мысль читателя в сторону ожидаемого, предполагаемого. В полном согласии со своими эстетическими воззрениями Чернышевский запечатлел в своих героях не только то, что было реальным, но и то, что могло быть «по необходимости», что было заложено в действительности как возможность. Чернышевский требовал от литературы прозрения, предугадывания и сам в своей художественной практике осуществлял это и весьма удачно. Разумеется созданный им гигантский образ Рахметова. По общему убеждению, Рахметов — революционер. Он дан в романе с той целью, чтобы сказать революционерам и идущему в революцию молодому поколению, что революция необходима, неизбежна; и чтобы участвовать в ней, надо готовить себя. В образе Рахметова предвосхищены типические черты будущих революционеров-народни-

ков: опрощение, обучение физическому труду, чтобы сблизиться с народом. Понимая качества своего врага (русского царизма), Рахметов подготавливает себя на всякий случай для перенесения пыток. Эти черты сделали фигуру Рахметова пророческой. «Рахметов — это человек, который тренирует себя для борьбы с самодержавием, который подготавливает себя для борьбы с капитализмом. Он тренирует себя, чтобы стать настоящим и подлинным бойцом революции и творцом нового жизненного уклада. И когда мы так подойдем, мы проникаемся к нему горячей симпатией... Если не брать Рахметова в... атмосфере подготовки к чему-то [т. е. к революции. — Н. Б.], то он остается непонятен... Фигура его получается почти курьезной и несколько не привлекательной»⁷². Писарев не понял смысла Рахметова в романе. Он, конечно, разглядел, что речь идет о деятеле революционного подполья, но он не признавал неизбежности революции и надобности таких деятелей. «Кто (Чернышевский или Писарев) правильной понимал характер движущейся эпохи, видно и по отдельным деталям. Рахметов в романе Чернышевского истязует свою плоть, приучая себя к физическим мукам. Он пробует спать на ложе, утыканном гвоздями. Писарев считает эту черту характера Рахметова чудачеством. Он отказывается ее понимать, считая ее неразумной, извиняя эту особенность «особенного человека» всеми остальными достоинствами Рахметова, перед которыми он преклоняется. История в этой подробности рассудила Чернышевского и Писарева. Суровая аскетичность характера, готовность и способность итти на жесточайшие физические страдания и великое самопожертвование становились в самом деле необходимыми свойствами для передовых русских людей, вступивших на тернистое поприще революционеров»⁷³.

Этим свойством романа, его органической связью с подлинно существующими процессами жизни, объясняется воздействие романа и его образов на последующие ряды революционеров. Среди многих свидетельств о прошлом, находим прямые указания, что героям романа Чернышевского подражали деятели революционного подполья; с ними, с их преданностью делу революции, и с их стойкостью хотели сравняться последующие революционеры. Похвалой звучало в прошлом сравнение революционера с Рахметовым. Революционером «высокого нравственного калибра рахметовского типа», у которого на первом плане стояли интересы народа, по словам В. А. Тихоцкого, члена кружка долгушинцев, был Лев Адольфович Дмоховский⁷⁴.

Рахметовым, а затем и близким ему по времени, по замыслу и идейно-политическому смыслу образом Алферьева, Чернышевский наносил удар буржуазно-дворянскому либерализму, разоблачив в этих образах либеральную трактовку типа революционера-шестидесятника, напр. у Тургенева.

Мы не будем здесь подробно освещать вопрос о том, что семейно-бытовые отношения, отражавшие крепостнический характер тогдашней русской жизни, были взяты в романе как участок борьбы с крепостничеством. Борьба за раскрепощение женщины, пробуждение в ней личности — это в романе «Что делать?» не уход в мир морали, а смелая революционная попытка, выражающая объективно исторический смысл борьбы с крепостничеством во всех его проявлениях тогдашней жизни. Отметим, что в романе изложена теория «разумного эгоизма», — это также один из центральных пунктов программы романа⁷⁵.

В связи с этим стоят коммунистические представления автора. В романе в снах Веры Павловны показаны, как мечты, картины будущей счастливой жизни человечества и указаны реальные способы достижения и осуществления этих новых отношений в существующих условиях. Роман овеян революцией и заканчивается скрытым апофеозом в честь будущей революции и освобожденного из крепости безыменного персонажа, т. е. Черны-

шевского. Также понимает это место в романе и В. Я. Кирпотин; в предисловии к роману он пишет: «Совершенно естественно, что Чернышевский, рисуя себя освобожденным из крепости революцией, предполагал, что первым делом он направится в Пассаж, привычное место собраний прогрессивной публики и молодежи Петербурга, чтобы выступить с речью на митинге, принять участие в революционном собрании и т. п. Иначе поездку в Пассаж объяснить невозможно. При другом понимании она превращается в бессмысленную пошлость, которую никак не припишешь автору «Что делать?»»⁷⁶.

Чернышевский был реалистом. Мы видели, что он сумел дать подлинно реальные черты действительности в типических обобщениях. В своих образах он проявил талант подлинного художника, в том смысле, что его герои некоторыми своими чертами предвосхищали будущее, и в то же время эти образы выражали существенное в проявлениях действительности. Великое новаторство Чернышевского было в том, что он дал в поэтическом претворении идеи революционной демократии, совокупность которых ниспровергала идейную установку литературы буржуазно-дворянского либерализма и реакции. Созданные им образы и романы находятся в тесной органической связи с эстетическо-философскими воззрениями великого демократа.

«Чернышевский, — говорит Ленин, — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 1888 года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»⁷⁷. Последнее и сказалось на «построении» образов. В романе мы не видим процесса диалектического развития образов. Одни герои — носители отсталых взглядов; другие — новые люди. Последние даны как сразу сложившиеся люди; в них нет борьбы старого с новым, нет диалектики сознания. В «новых людях» новые качества возникают сразу, они (качества) ждали только проявления. Психологическая оправданность их настроений в романе недостаточно показана; более «диалектики» борьбы заложено в образе Веры Павловны; она, правда, поставлена была романистом в более выгодное положение в этом смысле; она должна выбирать, решать, бороться с своими чувствами и т. п. Чернышевский вместо «диалектики» вынужден был, как художник, изображать разнообразие живой действительности наделением разных героев разными свойствами и качествами. Но этот прием, не лишая образов психологической глубины и содержательности, ослаблял формально-художественную сторону романа «Что делать?». В «Прологе» эта слабая сторона была преодолена Чернышевским⁷⁸.

Однако, это «не снижает» в основном глубоко реалистического в лучшем смысле слова характера романа «Что делать?».

В тесной связи с беллетристикой Чернышевского стоит творчество В. А. Слепцова (1836—1878), который начал работать при Чернышевском в «Современнике» и в своей повести «Трудное время» (1865) продолжил разоблачение российского либерализма, лжи, прославляемой либералами реформы освобождения крестьян, реакционный характер ее и путем своеобразного шифра в духе Чернышевского намекал на возможность разрешения крестьянского вопроса лишь революционным путем. Высокая художественность, по справедливости признанная за этим романом, делает «Трудное время» ярким произведением революционно-демократической беллетристики. Два образа — Щетинина и Рязанова — либерала и революционного демократа — противопоставлены в этой повести, узел которой в том, что демократу понятна та «партизанская» война, какая ведется либеральным

помещиком и его сообщниками — попом, управляющим, посредником и лавочником против крестьянства. Слепцов выступает ярким сатариком, бичующим либерализм и реакцию. К. И. Чуковский в своей статье «Тайнопись Василия Слепцова в повести «Трудное время» расшифровал те два плана, в которых ведется повествование беллетристом⁷⁹.

Критика улавливала в Рязанове черты Чернышевского. Нам кажется, справедливо видеть в Рязанове («Пролог») целостный облик революционного деятеля, характерный для эпохи реакции. Черты характера его — мрачность, крайняя сдержанность — выражают исторически верно тяжелую общественную ситуацию «трудного времени», эпохи белого террора. Здесь не может быть речи о «распаде» образа революционного демократа на подобие «распада» героя в современном западно-европейском буржуазном романе. У Слепцова можно констатировать иное: сокрытие, меньшую степень ясности, прозрачности выражения революционной мысли и пламенности Рязанова. Писатель не договаривал, укрывал выводы, он только наталкивал мысль читателя на догадки и делал это, понятно, из-за цензуры, в силу социально-политической «сумрачности» того времени. Некоторые на основании этих соображений склонны относить Слепцова к сторонникам писаревского лагеря. Это не верно по существу; творчество Слепцова определенным образом как в своих идейных основах, так и в смысле художественного метода связано с потоком революционно-демократической литературы. Даже самый характер сатиры Слепцова легко сближается с творчеством Чернышевского и Салтыкова-Щедрина.

Идеи крестьянской революции и крестьянского социализма выражал в своем творчестве Некрасов, деклассированный дворянин, сумевший превратиться в художественного идеолога революционной крестьянской демократии. Плечом к плечу с Некрасовым выступали такие художники, как Василий Курочкин. Социальные стремления этого отряда писателей чрезвычайно ярко выражены в агитационной песне, напечатанной в заграничном сборнике «Лютня» в 1869 г. и приписываемой Василию Курочкину:

Долго нас помещики душили,
 Становые били,
 И привыкли всякому злодею
 Подставлять мы шею...

 Что тут делать, долго-ль до напасти —
 Покоримся власти?!
 Мироеды тем и пробавлялись:
 Над нами ломались;
 Мы де глупы, как овечье стадо —
 Стричь да брить нас надо.
 Про царей попы твердили миру,
 Спьяна или с жиру —
 Сам де бог помазал их елеем,
 Как же пикнуть смеем...

 Не найдется, что ль, у нас инова
 Друга, Пугачева,
 Чтобы крепкой грудью встал он смело
 За святое дело.

XI

Группа писателей, объединяемых Чернышевским, была значительной. Созданная ею литература была в эпоху 60-х годов ведущей, передовой, отражавшей наиболее революционно-демократические устремления эпохи и противостоявшей буржуазно-дворянскому либерализму и крепостничеству с его грубыми формами азиатской эксплуатации и политического угнетения масс и крестьянства в особенности.

Чернышевский в 50-е годы, не поступаясь своими основными убеждениями, вынужден был поддерживать писателей либерально-дворянского лагеря — Тургенева, Толстого, Островского и др., отлично зная слабые стороны их реализма. В 60-е годы он имел уже около себя группу писателей, выступавшую единым сомкнутым строем против дворянской литературы. Эта группа, как мы видели, по-разному отразила идеи и настроения крестьянской демократии. Эта группа, раслаиваясь социально и сохраняя своеобразие художественного метода в творчестве каждого отдельного писателя, была единством, «диалектическим единством» в исторической борьбе с буржуазно-дворянским либерализмом и остатками крепостничества.

То же самое произошло и в области художественного творчества. Литература группы, возглавляемой Чернышевским, противостояла буржуазно-дворянской литературе в смысле идейно-политического осмысления явлений, в смысле эстетическо-литературном: в отношении тематики, в отношении изобразительных, языковых средств. Новое идейное содержание и новое отношение писателей этой группы к явлениям жизни определялось, как известно, в основном стремлением «поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества» (Ленин).

Ведущий отряд писателей-демократов (Чернышевский, Добролюбов, Некрасов и др.) выражал наиболее полно идеи крестьянской революции. Другие, как, например, Н. Успенский сделали первые шаги навстречу авангарду революционной крестьянской демократии, но не сумели до конца остаться на этой дороге; отошли. Третьи, как, например, Н. Помяловский, приблизились в значительно большей степени к революционной демократии, но все же не завершили вполне своего слияния с ней. В целом же эта группа, проникаясь интересами крестьянских масс, впервые заговорила о мужике «правду без всяких прикрас».

Революционно-демократический реализм шел на борьбу с феодально-монархическим строем, с крепостничеством, с буржуазно-дворянским либерализмом. Он был овеян революцией, стремлением ниспровергнуть существующий строй. Действительность представляла перед ним в отвратительном, отталкивающем виде. Добролюбов выдвигал на первый план сатиру; сатирический метод изображения глубоко был усвоен затем Салтыковым-Щедриным. Отрицанием барства было пропитано творчество Н. Помяловского. Все это понятно в условиях тогдашнего времени.

В период нарастания революции глашатаям ее естественно было думать о борьбе, о средствах борьбы. Сатира и могла и была мощным, дальнбойным орудием в руках революционных демократов. Перо сатирика жалило беспощадно врагов демократии. Вот почему в революционно-демократическом реализме сильна была именно струя критическая, развенчивающая, разоблачающая существовавший строй крепостников, поддерживаемых российским либерализмом всех оттенков.

Но мы видели, что в революционно-демократической беллетристике была сильна и положительная сторона. Она несла в себе большую познавательную ценность, раскрывая перед читателем картины возможной счастливой жизни будущего человечества, пути осуществления этого, очерчивая контуры новых положительных героев, новых людей, которые соединят «требо-

вания долга с потребностями внутреннего существа своего» (Добролюбов), показывая, как мучительно тяжела и полна бесправия жизнь плебея-демократа в условиях существовавшего тогда строя.

Из полемики революционного демократа Добролюбова с Тургеневым, из прикровенных и иносказательных рассуждений первого о «высших стремлениях», о том, что конституционализм — пройденная ступень в развитии человечества, читатель догадывался, что речь шла о революции, о свержении произвола. То же он узнавал из сатир Добролюбова, из поэзии Некрасова, Курочкина, из романа В. Слепцова «Трудное время» и еще больше из романа вождя революционной демократии Чернышевского «Что делать?»

В момент нарастания революции гегемония в литературе переходила в руки этой группы, успешно разоблачавшей либерализм, реакцию и крепостничество и показывавшей ограниченность либерально-дворянского реализма.

Для последнего приход «разночинца» и выдвижение революционных демократов в литературе внушали большую тревогу, большие опасения.

Вполне естественно, что писатели-художники буржуазно-дворянского либерализма, как и писатели крепостнического дворянства, встретили литературных деятелей демократии весьма недружелюбно, враждебно.

Фет в письме к Некрасову по поводу раскола редакции «Современника», происшедшего в связи с приходом туда Чернышевского и Добролюбова, с полной откровенностью заявлял о классовой розни дворян с «разночинцами». «Хотя в то время (начало 60-х годов), — писал Фет, — вся художественно-литературная сила сосредоточивалась в дворянских руках, но умственный и материальный труд издательства давно поступил в руки разночинцев, даже и там, где, как, например, у Некрасова и Дружинина, журналом заправлял сам издатель. При тяготении нашей интеллигенции к идеям, вызвавшим освобождение крестьян, сама дворянская литература дошла в своем увлечении до оппозиции коренным дворянским интересам, против чего свежий неизломанный инстинкт Льва Толстого так возмущался. Что же сказать о той среде, в которой возникли «Искра» и всемогущий «Свисток» «Современника», перед которым должен был замолчать сам Некрасов? Понятно, что туда, куда люди этой среды, чувствуя свою силу, появились как домой, они вносили и свои приемы общежития».

Этот отрывок из письма прекрасно характеризует столкновение групп и обрисовывает всю разницу интересов представителей этих групп. Фета в дружеском кружке звали «закоренелым и остервенелым крепостником, консерватором и поручиком старинного закала». И вот этот матерый представитель чутьем крепостника верно угадал в Чернышевском и Добролюбовах непримиримых врагов дворянства, его интересов.

Авдотья Панаева свидетельствует также о неприязни к новым людям со стороны писателей-дворян, сотрудников журнала: «Старые сотрудники находили, что общество Ч[ернышевского] и Добролюбова нагоняет тоску. «Мертвечиной от них несет!» — находил Тургенев. — «Ничто их не интересует». Литератор Г[ригорович] уверял, что он даже в бане сейчас узнает семинариста, когда тот моется: запах деревянного масла и копоты чувствуется от присутствия семинариста, лампы тускло начинают гореть, весь кислород они втягивают в себя, и дышать делается тяжело»⁸⁰. В другом месте Панаева передает следующие слова Тургенева о Добролюбовах и его соратниках: «Вообще сухость, односторонность, отсутствие всяких эстетических увлечений, все они точно мертворожденные. Меня страшит, что они внесут в литературу ту мертвечину, какая сидит в них самих. У них не было ни детства, ни юности, ни молодости, это какие-то нравственные уроды»⁸¹. Воспоминания Панаевой нередко грешат неточностями, но как раз эти ее

свидетельства подтверждаются многочисленными документальными материалами и не вызывают сомнений.

«Рьяный крепостник» Фет вспоминает в своей беседе с реакционным публицистом Катковым о великом романе Чернышевского «Что делать?»: «Мы с Катковым не могли прийти в себя от недоумения и не знали только, чему удивляться более: цинической ли нелепости всего романа или явному сообщничеству существующей цензуры с проповедью двоеженства, фальшивых паспортов, преднамеренной проповеди атеизма и анархизма...»⁸². Патриархальный барин Лев Толстой писал Некрасову про Чернышевского: «Срам с этим клоповоняющим господином»⁸³.

Но и либеральный Тургенев не отставал от Фета и Толстого. Прочтя диссертацию Чернышевского об искусстве, Тургенев писал Григоровичу: «Я имел неоднократно несчастье заступаться перед вами за пахнущего клопами (иначе я его теперь не называю) — примите мое раскаяние и клятву — отныне преследовать, презирать и уничтожать его всеми дозволенными и в особенности недозволенными средствами...»⁸⁴.

Не менее колоритно отношение Тургенева к революционно-демократической поэзии Некрасова. В одном из писем Тургенева к Полонскому мы читаем: «Г-н Некрасов — поэт с натугой и штучками; пробовал я на-днях перечесть его собрание стихотворений... нет! Поэзия и не ночевала тут — бросил я в угол это жеванное палье-маше с поливкой из острой водки»⁸⁵. Немного позднее в письме к редактору «С.-Петербургских Ведомостей» Тургенев повторил эту оценку: «Я убежден, что любители русской словесности будут еще перечитывать лучшие стихотворения Полонского, когда самое имя г. Некрасова покроется забвением. Почему же это? А просто потому, что в деле поэзии живуча только одна поэзия, и что в белыми нитками сшитых, всякими пряностями приправленных, мучительно высиженных измышлениях «скорбной музыки» г. Некрасова — ее то, поэзии-то и нет на грош...»⁸⁶. Тургенев совершенно последовательно распространял свою антипатию не только на Чернышевского и Некрасова, но и на всю плеяду художников демократии: «Способности нельзя отрицать во всех этих Слепцовых, Решетниковых, Успенских и т. д. Но где же вымысел, сила, воображение, выдумка где?»⁸⁷.

Этот единый литературный фронт крепостника Фета и либерала Тургенева является прекрасным подтверждением слов Ленина, посвященных характеристике 60-х годов: «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»⁸⁸. Недаром царская цензура находила, что «Записки охотника» не могут произвести взаимного раздражения между сословиями, но влияние их, как истинно художественного произведения, — примирительное⁸⁹.

Вражда Фета и Толстого, Тургенева и Григоровича, Достоевского и Дружинина к Чернышевскому внушила Г. Берлинеру следующую неверную мысль: «В сущности это русская литература боролась с Чернышевским, и ей было за что бороться»⁹⁰. Но с Чернышевским боролась не вся русская литература, а только определенные отряды этой литературы, — литературные идеологи крепостничества и буржуазно-дворянского либерализма. Но за то существовали другие литературные отряды, которые отнюдь не боролась с Чернышевским, а, наоборот, справедливо считали его своим вождем, своим учителем (Н. Помяловский, В. Слепцов и др.).

В свою очередь писатели-демократы платили своим противникам отрицанием и антипатией. Н. Помяловский «восстал против дворянской литературной церкви» (М. Горький) и решительно отрицал эстетический канон усадебной литературы. Н. Г. Чернышевский также критически относится к поэтическому мастерству писателей-дворян и либералов и выдвигал художественное мастерство своих единомышленников.

«Мой рассказ, — Чернышевский разумеет свой роман «Что делать?», — слишком слаб сравнительно с произведениями людей, действительно одаренных сильным талантом, например, с «Мещанским счастьем», «Молотовым», с маленькими пьесами г. Успенского, но ведь ты, моя добрейшая публика, еще не разобрала, что эти вещи разнятся, как небо от земли, от восхищающих тебя сочинений прославленных твоих художников⁹¹; с этими-то сочинениями ты смело ставь на ряду мой рассказ по достоинству исполнения, а по содержанию он выше их»⁹².

В 1883 г. Пыпин предложил Чернышевскому написать воспоминания о знаменитых писателях, сотрудничавших в «Современнике». Чернышевский ответил Пыпину: «Мой милый, я не считаю возможным, чтобы воспоминания о Тургеневе и остальной компании заключали в себе что-нибудь способное навевать на меня какое-нибудь настроение духа, кроме склонности задремать... Те люди были просто-на-просто не интересны мне, и в воспоминаниях моих об этих — впрочем, или милейших или очень почтенных людях — нет ровно ничего интересующего меня... Я не охотник щадить то, что не нравится мне, когда речь идет о вопросах науки или литературы или чего-нибудь такого, не личного, а общего. Поэтому, я далеко не такого высокого мнения о некоторых из поэтов и беллетристов моего времени, как люди более мягкого характера. По-своему, я сужу о них совершенно добродушно. Но они мелкие люди, кажется мне»⁹³.

В. Курочкин выступал не раз, высмеивая убожество критики либералов и реакционеров идейного содержания романа «Что делать?»:

Нет, положительно роман
«Что делать?» не хорош!
Великосветскости в нем нет
Малейшего следа.
Герой не щеголем одет
И под жилеткою корсет
Не носит никогда.
Великосветскости в нем нет
Малейшего следа.
Жена героя — что за стыд?
Живет своим трудом!
Не наряжается в кредит
И с белошвейкой говорит —
Как с равной ей лицом.
Жена героя — что за стыд,
Живет своим трудом.
Нет, я не дам жене своей
Читать роман такой!
Не надо новых нам людей
И идеальных этих швей
В их новой мастерской!
Нет, я не дам жене своей
Читать роман такой.

Е. Г. Бартенева в письме к К. И. Порозовой 3 августа 1904 г. писала: «Помяловский написал несравненно меньше (чем Чехов), быть может и та-

лант Чехова был крупнее, а стилист Чехов был куда более изящный. Но смерть и не только смерть, а поминки на могиле Помяловского 25 лет спустя после его смерти взволновали меня совсем иначе: чувствовалась связь с этим писателем, родное, пережитое, перечувствованное, а не только холодно признаваемое»⁹⁴.

И к Некрасову определенные литературные отряды относились совершенно иначе, чем Тургенев. Для Добролюбова Некрасов — «любимейший русский поэт, представитель добрых начал в нашей поэзии, единственный талант, в котором теперь есть жизнь и сила»⁹⁵. Для Чернышевского Некрасов — «лучшая, можно сказать, единственная прекрасная надежда нашей литературы»⁹⁶. В письме к Пылину по поводу известия о смертельной болезни Некрасова, томившийся на каторге Чернышевский просит своего корреспондента передать великому поэту свое прощальное приветствие: «Скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов»⁹⁷. Так относились к поэзии Некрасова отнюдь не только Добролюбов и Чернышевский, но и широкие слои писателей-разночинцев и революционной молодежи. Вспомним знаменитый рассказ Плеханова о похоронах Некрасова, сопровождавшихся возгласами молодежи, что Некрасов выше Пушкина.

XII

Ленин в статье «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция» говорит о размежевании либеральной и революционно-демократической тенденции: «Эти две исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19-го февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее. Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедывавшей удовлетворение «культурной» работой и чужающейся революционного подполья. Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов»⁹⁸.

По мере развития этого процесса в демократическом лагере происходила глубокая дифференциация. Из общедемократического потока постепенно выделялась пролетарская струя, как сила, единственно способная последовательно бороться за социализм и как гегемон демократической революции. В лице революционного пролетариата крестьянская демократия получила вождя, способного привести ее к окончательной победе над пережитками крепостничества. В 60-е годы в литературе разночинцев-шестидесятников мы встречаем первые признаки намечающегося зарождения рабочей литературной струи.

Пролетариат привлекает внимание писателей-демократов, как объект художественного воспроизведения. Например, в 1861 г. вышла книжка А. Голицынского «Очерки фабричной жизни». В предисловии автор подчеркивает обобщающее значение своих образов: «Предстоящие фабричные очерки не составляют картины одной какой-либо фабрики — это черты общие многим таким заведениям, а лица, мною очерченные, не портреты, снятые с какого-либо из деятелей на фабричной сцене, — это общие типы тех господ, которых мне удалось встречать на этой арене». Очерки Голицынского сыграли большую роль в революционном движении следующего десятилетия: они значились в числе основных брошюр, употреблявшихся революционными народниками для массовой агитации и пропаганды.

Решетников выступил выразителем начального, зачаточного момента пробуждения самосознания в формирующемся пролетариате. Решетников не сумел вырваться за пределы общедемократической литературы, но внутри этой последней он представлял намечающуюся рабочую тенденцию первых этапов развития пролетариата в России.

В основном охарактеризованная выше литература была демократическая народная литература, литература о народе, о мужике, литература, пропитанная народными интересами, созданная представителями революционной демократии и фалангой писателей, ведомых первыми или примыкавшими к ним. Это был народный революционно-демократический реализм, созданный на основе феербаховского материализма в духе утопического социализма. Познавательная и агитационно-пропагандистская ценность этой литературы устанавливается достаточно ясно и убедительно. Существующие в литературе и приведенные выше свидетельства Г. Димитрова, М. Горького и других говорят о том, как эта беллетристика влияла на деятелей пролетарской революции. Познавательная ее ценность очевидна, если мы знаем, что эта литература была вершиной, наиболее ярким выражением идей и настроений революционной демократии в 60-е годы.

Сложнее вопрос о значении этой литературы в смысле литературно-художественного метода. Чем ценна и насколько отлична эта литература от задач социалистического реализма нашей эпохи?

Различие в социально-историческом и философско-эстетическом отношении революционно-демократического реализма от социалистического реализма очевидно. Иная эпоха, иные человеческие характеры, утопический социализм и научный социализм; основы философского мировоззрения также различны. Но писатели-демократы были большими реалистами и великими демократами. Следуя эстетическим заветам своего великого вождя, они поставляли «верховным началом искусства воспроизведение действительности». Для них «живая действительность должна служить материалом и образцом». Они раскрывали не «идею прекрасного», как отстаивали эстеты, а более широкий, правдивый мир человеческих отношений, где эксплуатация человеком человека была законом жизни. Их пламенный протест против произвола, насилия и т. п. обеспечил выполнение следующего важного завета Чернышевского: «Поэзия должна изображать человеческую жизнь — пусть же она не искажает ее картин посторонними примесями»⁹⁹.

Выше мы указали, что феербаховский материализм накладывал свои черты на художественный метод Чернышевского: он, как мы показали выше, не давал писателям-демократам диалектического метода изображения характеров героев. Социалистический реализм основным принципом творческой работы современного писателя полагает пользование методом диалектики. Не механицизм, не элементарный показ людей из «целого камня», а подлинно-диалектическое изображение борений в душе героев свежих, новых социалистических стремлений и коммунистического сознания с пережитками прошлого, — вот что ставит основной задачей социалистический реализм.

Проблема рождения нового человека, поставленная и по-своему освещенная революционно-демократической беллетристикой, связывалась в сознании писателей этой группы с разрушительной задачей — борьбой и разрушением всего старого, косного, гнилого, мешавшего новым людям строить новую жизнь. Эта сторона в произведениях писателей-демократов может сослужить немалую пользу в наше время. На это не раз указывал и М. Горький. «Повести Помяловского («Мещанское счастье» и «Молотов»), — писал он в 1928 г., — весьма современны и очень полезны для наших дней, когда оживающий мещанин довольно успешно начинает строить для себя дешевен-

кое благополучие в стране, где рабочий класс заплатил потоками крови своей за свое право строить социалистическую культуру»¹⁰⁰. Образы, созданные талантливыми реалистами-демократами, являются социально-емкими. Недаром В. Ленин в своей полемике с политическими врагами не раз использовал, например, образы бурсаков и «кисейной барышни» Помяловского. «У Помяловского бурсак, — пишет Ленин, — хвастает тем, как он «наплевал в кадуюшку с капустой». Г.г. бундисты пошли вперед. Они выпускают Либманов, чтобы сии джентльмены публично плевали в собственную кадуюшку»¹⁰¹.

Не менее яркое применение дано Лениным и образу «кисейной девушки»: «Старые социалисты-утописты воображали, что они сначала воспитают хороших, чистеньких, прекрасно обученных людей и будут строить из них социализм. Мы всегда смеялись и говорили, что это кукольная игра, что это забава кисейных барышень от социализма, но не серьезная политика»¹⁰². Это свидетельствует о социальной глубине и насыщенности, с какой созданы эти типы реалистом-демократом. Бичуя бурсу, Помяловский ратовал за нового человека, за новые пути создания этого человека, и он со всей страстью бичевал бурсу, этот рассадник косности, невежества. Антисоциальный, грубый бурсак, именем которого Ленин заклеил политическое обывательство, еще не вполне закончил свой век. Подобные образы, созданные революционно-демократическим реализмом, могут быть зеркалом, в отражении которого лучше всего можно рассмотреть пережитки того прошлого в сознании отдельных людей нашего общества, с которым должен вести неустанную борьбу и социалистический реализм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. сб. статей «О литературе», Гослитиздат, 1935, стр. 261.

² «Из истории литературного нигилизма». СПб. 1890, стр. 313—314. Цитата взята из статьи «Счастливые люди», напечатанной в «Библиотеке для Чтения», 1865, апрель).

³ Подчеркнуто автором. — [Н. Б.]

⁴ Соч., т. IV, стр. 125—126. Здесь и далее цитаты приводятся по 3-му изданию.

⁵ Соч., т. XV, стр. 143.

⁶ Соч., т. XV, стр. 143—144.

⁷ Соч., т. XII, стр. 377.

⁸ Соч., т. XVII, стр. 341.

⁹ Соч., т. X, стр. 179.

¹⁰ Соч., т. XV, стр. 144.

¹¹ В. Я. Кирпотин, *Радикальный разночинец Писарев*, М. 1933, стр. 247.

¹² Соч., т. XII, стр. 206.

¹³ См. «Производство высочайше утвержденной следственной Комиссии о классной даме Родионовского в Казани Института Констанции Петровне Вальдон и студенте Ергине». Дело III Отделения, I экспед., 1862, № 44.

¹⁴ В. Я. Кирпотин, назв. соч., стр. 103—104.

¹⁵ Там же, стр. 248.

¹⁶ Там же, стр. 249.

¹⁷ См. в его сб. «От девятнадцатого февраля к первому марта», изд-во Политкаторжан, М. 1933, стр. 76—79.

¹⁸ См. в деле III Отделения, I экспед., 1865, № 196 «О воззвании к патриотам Сибири»; те же отзвы и в его письмах к Н. М. Ядринцеву, изданных в 1919 г.

¹⁹ Напечатано в журн. «Русское Слово», 1866, кн. I.

²⁰ «О литературе», Гослитиздат, 1935, стр. 266—267.

²¹ «Политические процессы 60-х годов». Центрархив. ГИЗ. 1923, стр. 76—77.

²² П. Быков, *Силуэты недавнего прошлого*, М.—Л., 1930, стр. 152.

²³ См. «Воспоминания и критические очерки. Собр. статей и заметок 1849—1868 гг. П. В. Анненкова». СПб. 1879, отд. 2, стр. 50—51.

²⁴ «Северная Пчела», 1841, № 22.

²⁵ «Отеч. Записки», 1868, кн. 10, стр. 182—183.

²⁶ Соч., т. II, стр. 314.

²⁷ Сатире Добролюбов посвятил три больших своих статьи: 1) «Собеседник

любителей русского слова» (1856); 2) «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) и 3) «Русская сатира екатерининского времени» (1859).

²⁸ См. в статье «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция», Соч., т. XV.

²⁹ Избр. соч., ГИХЛ, 1933, т. I, стр. 521.

³⁰ Следует напомнить известный факт, что с апреля по июнь 1861 г. произошло 647 крестьянских волнений, как это видно из отчета министерства внутренних дел (А. Герцен, Собр. соч., под ред. М. Лемке, т. XI, стр. 110).

³¹ «Шукинский сборник», вып. 7, М. 1907, стр. 330.

³² См. «В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка». Под ред. и с предисловием Н. Л. Бродского, изд. «Academia», 1931, стр. 184.

³³ Подробнее см. в нашей статье «Н. Успенский и классовая борьба в критике 60—70-х годов», напечатанной в книге «Народничество в литературе и критике», М. 1933, стр. 74—112.

³⁴ Полн. собр. соч. Н. Г. Помяловского, изд. «Academia», 1936, т. I, стр.

³⁵ См. «Литературное Наследство Н. Г. Чернышевского», т. II, 1930, стр. 404.

³⁶ См. Полн. собр. соч. изд. «Academia», 1935, т. II, стр. 177.

³⁷ Там же, стр. 167.

³⁸ Там же, стр. 172—173.

³⁹ Там же, стр. 224.

⁴⁰ Там же, стр. 219.

⁴¹ Там же, стр. 178.

⁴² Там же, стр. 180.

⁴³ «История новейшей русской литературы», 6-е изд. СПб, 1906, стр. 317.

⁴⁴ Там же, т. II, стр. 142, 143, 144.

⁴⁵ См. сб. «О литературе», Гослитиздат, 1935, стр. 259.

⁴⁶ Разумею его статью «Напрасные опасения», в «Отечественных Записках», 1868, № 10.

⁴⁷ Разумею статью: 1) «Глухая пора», «Дело» 1870, № 4 и 2) «Народный реализм в литературе», «Дело», 1871, № 5.

⁴⁸ Мы не будем здесь излагать подробно мыслей этих критиков; отсылаем интересующихся к статье И. И. Векслера «Ф. М. Решетников в критике», напечатанной в «Известиях Академии Наук», 1932, кн. 1 и 2.

⁴⁹ См. Сочинения Шелгунова, 2-е изд., СПб, 1885, т. II, стр. 572, статья «Народный реализм в литературе».

⁵⁰ Подробнее см. в названной статье И. И. Векслера, «Известия Академии Наук», 1932, кн. 1, стр. 560—562.

⁵¹ См. «Первое собрание писем Тургенева», 1885, стр. 129.

⁵² См. «Библиограф», 1869, № 3, стр. 84.

⁵³ См. «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», т. VI, стр. 184.

⁵⁴ См. там же, стр. 187.

⁵⁵ См. его статью «Повести и романы Ф. М. Решетникова», напеч. в «Ученых Записках Пермского Государственного университета», 1929, № 1 стр. 133.

⁵⁶ См. «Из литературного наследия Ф. М. Решетникова», ред., вступ. статья и примечания И. И. Векслера, Л., 1932, стр. 24.

⁵⁷ См. «Литературные воспоминания». М.—Л., 1928, стр. 248, 249.

⁵⁸ См. «Избр. соч.» П. Н. Ткачева, т. IV, М., 1932, стр. 414.

⁵⁹ Соч., т. V, стр. 118.

⁶⁰ См. подробнее в книге М. Лемке Эпоха цензурных реформ, СПб, 1904, стр. 487—488.

⁶¹ См. «История русской интеллигенции», ч. II, М. 1924, стр. 93.

⁶² См. «Н. Г. Чернышевский», т. II, 1923, стр. 128.

⁶³ См. предисловие к изд. «Н. Г. Чернышевский. Объективные очерки». М. 1927, стр. 7.

⁶⁴ См. сборник «Творческие пути пролетарской литературы», ч. II, М.—Л. 1929, стр. 201.

⁶⁵ Соч., т. V, стр. 311—312.

⁶⁶ См. его «Историю русской литературы с древнейших времен до наших дней». М.—Л., 1927, стр. 129.

⁶⁷ См. в журнале «Литература и марксизм», 1931, № 1; «Пролетарская литература», 1931, № 4.

⁶⁸ См. статью «Романы Н. Г. Чернышевского» (предислов. к V тому «Избранных сочинений Н. Г. Чернышевского». М.—Л., 1932), стр. 6 и 16.

⁶⁹ См. Б. С. Э., «Чернышевский — литературовед и писатель», т. 61, М. 1934, стр. 404—405.

⁷⁰ См. его статью о романе «Что делать?» в сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1926, стр. 4.

- ⁷¹ См. Полное собр. соч. Н. Г. Чернышевского, 1906 г., т. I, стр. 42.
- ⁷² См. А. В. Луначарский, Литература шестидесятых годов, «Лит. Крилик», 1936, кн. 2, стр. 33—34.
- ⁷³ См. В. Я. Кирпотин, Радикальный разночинец Писарев, М., 1933, стр. 369—370.
- ⁷⁴ См. А. Кункль, Долгушинцы, М., 1932, стр. 55—56.
- ⁷⁵ В вышеназванной статье А. В. Луначарского эта проблема освещена достаточно полно.
- ⁷⁶ См. «Что делать?» М. 1933, стр. 13.
- ⁷⁷ Соч., т. XIII, стр. 295.
- ⁷⁸ Подробнее см. в нашем предисловии к «Прологу», Гослитиздат, 1936, стр. 15.
- ⁷⁹ См. предисловие к I тому изд. Сочинений В. А. Слепцова, М., 1932, стр. 15—30.
- ⁸⁰ «Воспоминания», изд. «Academia», М., 1928, стр. 351.
- ⁸¹ Там же, стр. 367.
- ⁸² См. «Мои воспоминания», 1894, стр. 187.
- ⁸³ В. Евгеньев-Максимов, Некрасов и его современники, Л., 1929, стр. 128.
- ⁸⁴ Первое собрание писем, 1885, стр. 118.
- ⁸⁵ Там же, стр. 154—155.
- ⁸⁶ «Русские Пропилеи», т. III, стр. 201.
- ⁸⁷ Первое собр. писем И. С. Тургенева, 1885, стр. 129.
- ⁸⁸ Соч., т. XXV, стр. 143.
- ⁸⁹ «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие», 1865 г., секретно.
- ⁹⁰ «Н. Г. Чернышевский и его литературные враги», стр. 219.
- ⁹¹ Речь идет о дворянских писателях — Л. Толстом, И. Тургеневе и др.—Н. В.
- ⁹² См. «Что делать?» Предисловие к изд. изд-ва Политкаторжан, М. 1929, стр. 20.
- ⁹³ «Литературное Наследие Н. Г. Чернышевского», ГИЗ, 1930, т. III, стр. 28—29.
- ⁹⁴ «Каторга и ссылка», 1930, № 2, стр. 182—183.
- ⁹⁵ В. Евгеньев-Максимов, цит. соч. стр. 232.
- ⁹⁶ «Литературное Наследие Н. Г. Чернышевского», стр. 199.
- ⁹⁷ Там же, стр. 210.
- ⁹⁸ Соч., т. XV, стр. 144.
- ⁹⁹ Полн. собр. соч., т. I, стр. 42.
- ¹⁰⁰ См. сб. «О литературе», Гослитиздат, 1935, стр. 198.
- ¹⁰¹ Соч., т. XVII, стр. 469; ср. т. XXII, стр. 437.
- ¹⁰² Соч., т. XXIV, стр. 64.